Свет далёкой звезды

Автор:
Лана Кузьмина

Свет далёкой звезды

Лана Кузьмина

Совпадение? Случайность? Или судьба? Книга-размышление о жизни и смерти, о том, как трудно порой отпустить близкого человека.Генке было всего шесть лет, когда погибли его родители. Из светлого южного города он был вынужден переехать в Подмосковье к вечно недовольному строгому деду. Только сестра поддерживала одинокого и нелюдимого мальчика. Позднее он открыл в себе способности видеть умерших и общаться с ними. Непосильная ноша для самого обычного человека.

Свет далёкой звезды

Лана Кузьмина

© Лана Кузьмина, 2022

ISBN 978-5-0053-4534-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Мы работаем вместе почти семь лет, с тех самых пор, как Аня устроилась в нашу школу учительницей. Первые годы мы почти не общались. Разница в возрасте больше тридцати лет, да и я не стремлюсь к общению с кем бы то ни было. Молодых коллег я не понимаю, старые раздражают бесконечным брюзжанием по поводу и без. Как же тогда я могу работать в школе с таким-то отношением к людям? Дети – это другое. Чтобы не говорили о падении нравов, жестокости и тупости нынешнего поколения, мне трудно принять на веру эти пустые сплетни. Мои ученики разные: есть среди них и совершенно неуправляемые, с трудом обучаемые и ленивые, но в общей массе они ничем не отличаются от тех школьников, которые жили и десять, и двадцать, и тридцать лет назад. Дети лечат мою душу, успокаивают, несмотря на то, что мой предмет «французский язык» не считается у них важным и увлекательным.

Аня обратила на меня пристальное внимание тогда, когда в школе стало известно о смерти моего сына. Он скончался много лет назад, но я не хотела рассказывать о том, что осталась совсем одна. Не выношу бесконечных расспросов, сплетен, перешёптывания за спиной, формальных, а потому пустых, слов соболезнования. Цену людской молвы я познала ещё в молодости, когда вернулась в отчий дом с грудным сынишкой на руках. Муж навсегда остался лежать на кладбище под Оренбургом – пьяный водитель грузовика не оставил ему шансов. Мои родители жили на окраине Москвы в деревушке, которая в то время ещё не стала частью столицы. Ох, и перемыли же мне косточки деревенские кумушки! Все до одной были убеждены, что ребёнка я нагуляла неизвестно от кого, и погибший муж – всего лишь отговорка беспутной девки.

Молчала я и о том, что моего сына осудили и посадили в тюрьму на долгих шесть лет. Разве получится объяснить, что за решётку он попал по глупости, забравшись на спор в оставленную на зиму дачу, и вытащил оттуда всего лишь пару кастрюль и прочую мало полезную утварь. Он был виноват, не спорю, но наказание не соответствовало содеянному.

Когда коллеги узнали о смерти Севы, по школе пополз мерзкий липкий шёпот. Говорили, что его убили в тюрьме, что он был наркоманом и сколол ся, что его застрелил при задержании полицейский. Ничего из этого не соответствовало действительности. Но кому какое дело до действительности? Если сделать из умершего монстра, то и говорить, и обсуждать его смерть не так страшно. Смерть перестаёт казаться несправедливой, становясь расплатой за бездарно растраченную жизнь.

У Ани есть одно не очень хорошее качество – она всех защищает, не понимая, что не все могут или хотят принять её защиту. Я-то в ней точно не нуждалась. Тем не менее однажды вечером в учительской она громко стукнула журналом о столешницу и, когда присутствующие замолчали, чётко произнесла:

– Это подло! Подло шептаться за спиной о вещах, о которых понятия не имеешь! Не разобравшись, поливать грязью человека, который уже не может ответить! Вы очень меня разочаровали!

Кто-то нервно засмеялся и упомянул весеннее обострение и ПМС. Кто-то громко фыркнул и сообщил, что не нуждается ни в чьём одобрении. Большинство же не отреагировали никак.

Я стала невольной свидетельницей этого монолога, замешкавшись у двери в учительскую. Зачем? Ну, зачем она подняла эту тему? Шептаться меньше не стали, только объектов сплетен отныне стало два.

То ли из-за собственной изолированности, то ли из-за жалости к одинокой старухе, Аня с того дня стала уделять мне повышенное внимание. Она не упоминала моего сына, не жалела в открытую. Просто стала чаще подходить, разговаривать на отвлечённые темы, поджидать утром у входа в метро, стараться вместе возвращаться домой по вечерам. Но мне не нужна её забота! Её навязчивость надоедала, но вместе с тем я боялась прогонять её. Стоит признать, иногда она умела поднять мне настроение.

Вчера она протянула мне толстую пачку бумаги.

– Мой муж написал книгу, – сказала она. – Мне бы хотелось, чтобы вы прочитали и высказали своё мнение.

– Почему я? Почему не Полякова? Литература – её профиль. Разве что ваш муж писал на французском.

– Вы мудрая женщина, вы оцените душой, а Полякова начнёт расчленять написанное на термины и выдаст профессиональную оценку, которая почти никогда не совпадает с мнением обычных читателей.

Я с сомнением посмотрела на рукопись. «Свет далёкой звезды» – значилось на титульном листе.

– Не люблю фантастики, – попыталась отговориться я.

– Это не фантастика. Просто рассказ о детстве, юности. Размышления о жизни и смерти…

Доморощенный философ, значит. Повезло, нечего сказать!

– Просто попробуйте! – уговаривала Аня. – Пару страниц. Не понравится – вернёте и скажете, что не смогли читать.

Я взяла рукопись. Надо же! Не поленилась распечатать. Думает, я совсем древняя отсталая от жизни старуха, не знающая как подойти к компьютеру. Несмотря на возраст, я предпочитаю читать электронные книги, пользуюсь интернетом и знаю не понаслышке о социальных сетях (в них я пассивный читатель с полупустым профилем).

– Понимаете, – продолжала Аня. – Нужно, чтобы прочитал кто-то третий. Я пристрастна, а муж в свой талант не верит.

Я видела её мужа. Высокий, худой и нескладный, он производил впечатление угрюмого и нелюдимого человека. В тот день встречал жену у школы. Я попыталась быстро распрощаться, но меня остановили: «Вы нам совсем не мешаете!»

– Не вас ли случайно я видела две недели назад в книжном магазине? – поинтересовалась я. – Вы, кажется, книгу издали?

– Случайно меня, – он смутился и почесал нос. – Ерунда… сказки… я не хотел… меня обманули…

Говорил он отрывисто, проглатывая окончания слов. По его манере общения, по нежеланию смотреть в глаза и незнанию, куда спрятать свои руки я решила, что он страдает аутизмом или другим подобным синдромом. Не может же в самом деле взрослый человек так стесняться и зажиматься перед другими

людьми! Тем более сказки! Для так и не повзрослевшего внутри человека написание именно сказок не удивительно. Удивительно другое: Аня рассказывала, что её муж работает врачом в детском онкоцентре. Не думаю, что угрюмый вид полезен бедным больным детям, каким бы хорошим специалистом он не был.

– Это его коллеги отправили в издательство рукопись, – пояснила Аня. – И её приняли! Представляете? Это же здорово!

Муж её выглядел не счастливым, а измученным. И вот теперь – мнение! Обязательно моё. Отнесли бы коллегам. Ах, да! Он же стесняется! Глупо. Тем не менее я взяла у Ани рукопись. Пробегу через строчку, а после скажу, что нормально. Я больше, чем уверена, что ничего особенно хорошего я в ней не найду, а плохое говорить не хочется.

Вечером позвонила сестра.

– Зоя! Зоя! – кричала в трубку Валя. – Он женится!

– Кто женится? Твой сын? Давно пора. – Серёже тридцать семь, а Валя никак не может понять, что он уже взрослый.

– В субботу вечером он её приведёт! Наверняка лимита какая-нибудь! Приезжай! Окажешь моральную поддержку!

– Никто уже давно не говорит «лимита», – вздыхаю я. – И потом вы же не в Москве живёте.

– Так в Подмосковье! Кто не сумел в Москве зацепиться, все в Подмосковье лезут! Ну, ты едешь? Я уже всю валерьянку выпила!

Валя известная паникёрша, делающая из малюсенькой проблемы огромную проблемищу. Не удивлюсь, если она «вызвала» к себе и нашу старшую сестру Наташу. Бедный Серёжа! Так он никогда не устроит личную жизнь.

Всё-таки я еду. Сажусь в электричку и уже в вагоне вспоминаю, что так и не выложила из сумки рукопись Аниного мужа, а путь предстоит долгий.

Делать нечего! Чтобы убить время, приходится читать.

Начало

Нам кажется, что звёзды были всегда. Что мы рождаемся и умираем под одними и теми же созвездиями. Что небо неизменно. А на самом деле оно мертво. Когда мне было лет восемь, я придумал себе очередную страшилку. Я лежал без сна в кровати и смотрел на небо точнее на одну-единственную звезду, светившую мне в окно. А что если бы все звёзды в мире однажды погасли? – пришло в голову, и я похолодел от ужаса.

– Мы бы просто этого не заметили, – успокоила Таня. Сестра умела спасать меня от приступов паники и глупых выдумок. – Ведь свет от звёзд идёт до нас миллионы лет. Представляешь, звезда погибла, а мы до сих пор её видим!

Я немного успокоился. На мой век хватит. И только многие-многие поколения спустя небо станет угольно-чёрным. Мне внезапно стало жаль своих будущих потомков. А потом вдруг подумал: а что если мы есть то самое последнее звёздное поколение, что если не сегодня-завтра произойдёт катастрофа, что если я живу восемь лет и все эти годы смотрю на мёртвое небо, полное не звёзд, а лишь их рассеянным по вселенной светом.

Таня сказала, что я должен стать философом, раз меня занимают подобные вещи. А я ответил, что любой человек философ, потому что каждый размышляет и задаёт вопросы.

– Как ты думаешь, – спросила тогда сестра, – что остаётся, когда умирает человек? Не может же он просто взять и сгинуть в никуда? Без следа? Словно его и не было?

Я не знал, что ей ответить.

Часто мне снится один и тот же сон. Длинная улица с деревянными домиками, берёзки у дороги. И мы с отцом идём под руку. От него привычно пахнет табаком и мылом, он что-то говорит мне, но я не могу запомнить. Наконец, мы подходим

к небольшому домику, украшенному причудливой резьбой. Отец открывает калитку, и мы попадаем в яблоневый сад.

– Смотри, Генка! – говорит он. – Это белый налив. Самый ранний. Потом поспевают мельба и коричневка. После – кислая антоновка, и самый последний – богатырь.

Я удивлённо озираюсь. Все сорта, что перечислил отец, висят на ветках, яркие и зрелые. Все одновременно. Оказывается, здесь всё совсем не так, как у нас.

Дальше – огород. Я слушаю о том, чем отец удобряет почву, как защищает от чёрной гнили помидоры, как борется с тлёй. Раньше он не любил копаться в земле, а сейчас кажется очень счастливым.

Наконец дом. Поднимаясь на крыльцо, я едва переставляю дрожащие ноги. Я знаю, что ждёт меня внутри. Я предвкушаю и боюсь этого, мне хочется зайти и в то же время что-то невольно тянет прочь.

Она сидит на кухне. Я не могу разглядеть лица, фигуру, ничего. Лишь белый ослепительный свет и подступающая ко мне волна безграничной доброты и нежности. Она обволакивает меня своей пеленой, и эта невыносимая сила любви разрывает моё сердце невозможностью своего воплощения в реальной жизни.

Я вскрикиваю «Мама» и просыпаюсь. Лицо моё мокро от слёз, и долго я потом лежу после без сна, оплакивая не столько смерть родителей, сколько горечь от того, что память моя не сохранила черт маминого лица, оставив мне в наследство лишь малую часть осколков моего детства. И тогда мне начинает казаться, что у меня нет прошлого, что всё, что видится мне порой во снах лишь иллюзия, выдумка маленького мальчика, которому так хотелось верить в бессмертие мамы и папы, что он создал для них идеальный мир, поселил среди вечно зрелых яблок и ясного солнца с тем, чтобы иметь возможность пусть ненадолго, пусть во снах, но приходить к ним, бродить под руку с отцом и купаться в безграничной маминой любви.

Глава 1

Декабрь. Такой же ледяной как тогда, много лет назад. Я стою у окна, вглядываясь в белую мглу, поглотившую город. На прошлой неделе мне исполнилось тридцать три года, возраст Христа, время переоценки собственной жизни. Пресловутый кризис среднего возраста накрыл меня с головой. В голову приходят мысли о бессмысленности собственного существования, ночные кошмары, воспоминания…

Я стою у окна, охваченный странным состоянием отрешённости и в то же время погружённости в окружающую действительность. Я вижу каждую кружащуюся в потоке снежинку, слышу похрустывание снега под ногами бегущей по улице девушки, чувствую холодное покалывание зимы на своём лице.

Впервые подобное состояние накрыло меня много лет назад. Мне было шесть, и я впервые в жизни увидел море. Родители сняли домик на побережье. Когда-то он принадлежал умершему профессору словесности. Я так хорошо запомнил, потому что мне очень понравилось это слово. Сло-вес-ность. Оно мягко перекатывалось на языке, и я ходил словно помешанный, повторяя его про себя.

С погодой нам не повезло. Тем летом на побережье то и дело обрушивались дожди. В подобные дни родители ходили в гости к соседям: сидели на застеклённой террасе, пили вино и смеялись. Их разговоры вызывали скуку, а взрослые шутки – недоумение. У соседской четы детей не было, и мы с сестрой оставались дома. Для Тани непогода не стала проблемой. Она всегда умела себя занять. Вот и в тот раз она отыскала в профессорской библиотеке книгу и, забравшись с ногами в плетёное кресло, погрузилась в написанное.

Я же просто не знал, куда себя деть. Сначала слонялся по комнате, разглядывая забавные поделки, выстроившиеся на подоконниках. Потом мне надоело это бессмысленное хождение, и я уселся на диван, уставясь в длинный стеллаж у противоположной стены. Моё внимание привлекла толстая книга. Название стёрлось от времени, и от этого старый том манил ещё сильнее. Казалось, внутри него можно обнаружить витиеватые письмена и изображения загадочных существ. Он должен был быть похож на фолианты, которые я видел однажды в историческом музее, куда нас с сестрой водил отец. Хотелось встать, подойти и взять желанную книгу. Но я сидел, не шевелясь, потому что считал, что если прикоснусь к ней хоть пальцем, то она исчезнет, превратившись в пыль.

Тогда и пришло это чувство. И я был уже не Генкой Григоряном, шестилетним мальчишкой, а частью огромного шумного мира. Я обвёл взглядом комнату и обомлел от неожиданной яркости бытия. Дождь на минуту остановился, и в оконном стекле плыл голубой лоскуток неба, прозрачный как органза. Словно прозревший слепой я разглядывал изящный узор тюлевых занавесок, мыльные разводы на плохо вымытых стёклах, старые деревья в саду, их сухую растрескавшуюся кору, каждую извилинку этой коры. Я видел муравьёв, носящихся по стволу, колонию тли, божью коровку с шестью точками на красном округлом тельце.

Словно обретший слух глухой слышал я тихий шелест листьев за окном, голоса на соседней террасе, шуршание мыши в подполе и почти неуловимое потрескивание отстающих от стен обоев. Но самыми удивительными были запахи: извёстка, бумага (всё те же обои), жёсткая обивка дивана, старые книги, деревянный стол и занавески – всё пахло по-своему, неповторимо и чарующе.

Когда я очнулся, всё стало скучным и обыденным. Почувствовав, что сижу на диване и у меня по-прежнему есть руки, ноги и голова, я, наконец, решился пересечь комнату и взять с полки книгу. Перелистнул страницы. Оказалось, что это обыкновенный, датированный пятьдесят вторым годом, справочник со множеством таблиц и цифр, понятных лишь специалисту.

Сейчас я снова растворяюсь во вселенной. Вы знали, что среди миллиардов снежинок не найти двух одинаковых? Я вижу каждую из них удивительную в своей уникальности. Слышу их лёгкое потрескивание.

– Пап, ты чего опять завис? – оборачиваюсь. Лика смотрит на меня с осуждением, – прям, как маленький!

Смешно слышать подобное от одиннадцатилетней девочки. Но она у меня такая – материалистка до мозга костей. Презрительно фыркает, когда маленький Марк просит рассказать сказку или когда я придумываю для него разные истории. Помню, как Лика нашла во дворе ключ, красивый, почти игрушечный.

– Это золотой ключик, – сказал я тогда. – Он открывает любые двери.

Дочка засмеялась и спросила:

– Ты правда в это веришь?

– Нет, конечно, – я отчего-то смутился.

– Вот и я не верю, – Лика, обижаясь, поджала нижнюю губу. – Не надо со мной так! Я что маленькая что ли!

Пациенты клиники, где я работаю, любят меня слушать. Может быть, сказки нужны лишь тем, кому пришлось тяжело в жизни? Счастливые люди в них не нуждаются.

Зачем я об этом пишу? Почему бы не писать? Сегодня строчат все, кому не лень – безграмотная школьница с претензией на трагедию и утомлённость жизнью; известная ведущая, едва перешагнувшая двадцатилетний рубеж и уже знающая, чем поделиться с миром. Чем я хуже? Возможно, моя история не перевернёт сознание отдельно взятого человека. Но всё же я надеюсь, что она по меньшей мере вызовет интерес.

Глава 2

Описание своей жизни принято начинать с рождения. Ничего не могу о нём сказать. К сожалению, история не сохранила легенд о моём появлении на свет, которые так любят рассказывать знакомым. Поэтому я считаю, что вошёл в этот мир в самом заурядном месте – городском роддоме и появление моё не сопровождали тайные знаки, совпадения дат, стихийные и рукотворные катастрофы.

Моя старшая сестра Таня не проявила никакого интереса к новоиспечённому брату. Только подошла, взглянула на сморщенное маленькое личико и, презрительно хмыкнув, отправилась на диван листать книжку с картинками. Впоследствии она мало обращала на меня внимания. Должно быть ждала пока крохотное ничего не умеющее существо крепко встанет на обе ноги, начнёт разговаривать и кое о чём размышлять. Тогда-то она и вцепилась в меня мёртвой хваткой, взявшись обучать всему, что сама она давно знала и умела, в первую очередь чтению.

Книги всегда были Таниной страстью. Не нуждаясь в ином обществе, она читала везде и всегда. На русском, армянском и немного на английском. Научившись читать в три года, она решила и меня приобщить к этому таинству в том же возрасте. Я терпеливо выслушивал её объяснения, называл изображённые на карточках буквы, но читать ленился. Единственное на что меня хватало это остановиться у шкафа и, наклонив голову, разбирать написанные на корешках названия – угловатые русские и изогнутые армянские. Таня ругалась, недовольно сопя, и подсовывала мне книги, которые я швырял на пол. Сестра злилась и называла меня варваром.

Если Таня не читала, то спала. Везде, в любой позе. Могла заснуть прямо посреди оживлённого разговора. Казалось только что она смеялась и говорила что-то, а через минуту уже сопит, уткнувшись лицом в спинку кресла. Папа говорил, что с именем для дочери они с мамой промахнулись. Её нужно было назвать Соней и никак иначе.

Родителей я не помню. Знаю только, что у мамы были длинные светлые волосы и огромный запас любви и заботы для каждого, кто в них нуждался. Одна из самых больших трагедий моей жизни состоит в том, что я не могу вспомнить их лиц. Фотографий почти не сохранилось, а те, что уцелели такого плохого качества, что по ним невозможно судить о внешности запечатлённых на них людей.

Память причудлива, она так легко изменяет прошлое, переосмысливает события, подменяя собственные впечатления выдуманными, вычитанными в книгах или виденными в кино. Поэтому даже мои записи не могут считаться объективными. Отнеситесь к ним с изрядной долей скепсиса, а все фактические ошибки отнесите на счёт чересчур богатого воображения.

Как я уже написал, когда мне было лет шесть, мы поехали на море. До той поры я всегда рисовал море одним цветом – тёмно-синим, не подозревая о том, что на самом деле оно всегда разное. То сине-зелёное, то ярко-голубое, а иногда такое прозрачное, что кажется будто у него вовсе нет никакой окраски. Оно едко пахло рыбой и йодом, словно кто-то вылил в него целую гору пузырьков этого вещества.

Отдохнуть нам не удалось. Уже на второй день зарядили дожди, и я бессмысленно болтался по снятому нами домику, изнывая от скуки.

Единственное, что меня хоть как-то развлекало – это поделки, заполнившие комнату.

– Хлам, – называла их хозяйка. – Давно пора выбросить. Только руки никак не дойдут.

Мне поделки нравились. Здесь был длинный змей из ветки, смешные человечки-шишечки, забавные газетные червячки, но самой чудесной оказалась кошка. Большая, сантиметров сорок в высоту, скрученная из толстой медной проволоки, она бесстрастно взирала на мир разноцветными глазами-камешками, красным и зелёным.

Когда мы уезжали, я долго махал ей рукой, обещая вернуться ровно через год.

– Пожалуйста, дождись меня, – шептал я еле слышно. – Не уходи!

В тот же день со мной произошло одно удивительное событие – я впервые поцеловал девочку. Она сидела на скамейке у вокзала и казалась такой миленькой в своей соломенной шляпке с развевающимися на ветру локонами, что я подбежал к ней, забрался на скамейку и звонко чмокнул её в губы. Кто-то захихикал, девочка удивлённо отпрянула, а я покраснев до пяток, убежал. Укрывшись за колонной, я тщетно пытался успокоить бешено стучащее сердце. Казалось, все вокруг заметили мой неосторожный поступок и теперь смеются над моей глупостью. В общество меня возвратила Таня.

– Пойдём уже, Ромео, – улыбнулась она, отдирая меня от спасительной колонны. – На поезд опоздаем!

Я ещё больше смутился и, уткнувшись носом в её подмышку, позволил себя увести.

Глава 3

Иногда я думаю, что сестра в то время относилась ко мне как к любимой, но всё же игрушке. Таня постоянно таскала меня с собой. Когда она читала, я

сидел рядом и слушал. Гулял только тогда, когда хотелось ей. Справедливости ради стоит сказать, что она всегда спрашивала о том, куда я хочу пойти или что послушать. Избавиться от её всепоглощающей опеки я мог только тогда, когда она убегала в школу или дремала. Случались в моей жизни часы, когда Таня откладывала в сторону книги и другие занятия, подходила ко мне и обманчиво ласковым голосом приглашала в уютное местечко с тем, чтобы рассказать мне очередную сказку, то ли вычитанную где-то, то ли придуманную ей самой.

Обнявшись, сидели мы в темноте шкафа или накрывшись плотным покрывалом. На полу слабо светил фонарик, а сестра словно заклинания нашёптывала свои истории. Одну из них, напугавшую меня до смерти я помню до сих пор. Скорее всего, Таня сочинила что-то совсем другое, а память моя преобразовала услышанное в нечто новое, добавив подробностей.

В то время жила в нашем доме одна старуха. Каждый день выходила она на улицу и стояла весь день у подъезда, вглядываясь в даль своими выцветшими глазами. Мы дети боялись её до жути. Страх, впрочем, не мешал нам, проходя мимо, шептать чуть слышно «проклятая ведьма». А когда старуха поднимала свою клюку и беззвучно ругалась, мы с визгом разбегались. Однажды мы превзошли себя. Притаившись в кустах возле дома, ждали выхода ведьмы. Стоило ей открыть дверь подъезда, как в неё полетели комья грязи, камни и палки. Старуха споткнулась и, неловко подогнув ноги, свалилась на асфальт.

Мои друзья с криком разбежались, а я словно врос в землю. Сердце моё остановилось, я не мог вдохнуть до тех пор пока старуха не нащупала рукой свою палку и, тяжело опираясь на неё, с трудом поднялась. Она повернулась в мою сторону и спокойно произнесла:

– Подойди ко мне, мальчик!

Не знаю, откуда у меня взялись силы выбраться из своего укрытия и подойти ближе. Я не смел поднять глаза, прилежно изучая трещины в асфальте.

– У тебя грязное лицо, мальчик, – сказала старуха. – Иди умойся!

Я закричал. Так громко как никогда в жизни. Если бы в тот момент подо мной бы разверзлась земля или сверху ударила молния, я бы ничуть не удивился, потому что ожидал подобного. Я обидел старуху, и она прокляла меня. Вот что

проносилось в моей голове, пока я стоял, уставясь в асфальт, и орал.

Спасла меня Таня. Выбежала из подъезда, схватила за руку и, с трудом оторвав от земли, потащила домой.

– Ну, что с тобой случилось? – спросила она, как только мы оказались в квартире. – Ты чего разорался?

– Она меня прокляла… – только и мог произнести я, размазывая по лицу слёзы. – Ведьма меня прокляла…

Сестра рассмеялась:

– Что ты выдумываешь! Никакая она не ведьма!

И наклонившись, прошептала мне в ухо:

– Она плакальщица.

– Плакальщица? Что за плакальщица?

– Это длинная история, – Таня потянула меня в комнату. – Я тебе расскажу.

В тот день, сидя под столом, с накинутым на него одеялом, я и услышал одну из первых историй, рассказанных мне сестрой.

История о плакальщице

Когда-то давно жила в одной деревне девушка по имени Эстелла. Кто-то возразит, что деревенская девушка не может носить подобного имени, но поверьте мне, это действительно так. Была она очень красивой и такой же алчной. Ей хотелось носить роскошные платья и жить во дворце. Работать в поле и помогать матери по хозяйству она не желала.

– Как могу я своими белыми нежными руками ковыряться в грязной противной земле? – говорила девушка. – Яркое солнце иссушит мою кожу, а наградой станет пара вёдер картошки и навечно согнутая спина.

Эстелле хотелось беззаботной богатой жизни, и одним весенним утром она отправилась в город. В городе в то время у красивой девушки было два пути. Она могла выйти замуж за богатого человека или стать плакальщицей. Богатые горожане воротили нос от девушки. Даже её красота не пленяла их. «Нищая деревенщина!» – презрительно говорили они. – «От неё несёт навозом!» Что же делать? Пришлось достать Эстелле своё скромное чёрное платьице и отправиться в церковь, чтобы предложить свои услуги.

Плакальщицами в то время назывались женщины, которые во время похорон шли за гробом и оплакивали покойного. Чем моложе и красивей были эти женщины, тем больше денег получали они за свои слёзы.

Красота обманчива. Многие наивно полагают, что красивые люди совершенны во всём. Плакальщицы тепло встретили новенькую, окружили её теплом и заботой, обучили нехитрым премудростям будущей профессии. Только вот за красивой оболочкой скрывалась алчная и беспринципная душа. Дело в том, что Эстелла не разделяла убеждений других плакальщиц, которые никогда не стремились заработать как можно больше, а тщательно выбирали оплакиваемых. Если покойный при жизни был злым и жестоким человеком, то ни за какие деньги они не брались за работу и за гробом не шли. А вот бедные и набожные люди напротив вызывали уважение и вполне искренние слёзы, за которые не просили ни копейки.

– Почему я должна отказываться от таких выгодных предложений? – удивлялась Эстелла. – Да мне плевать на лежащего в гробу! Я не знала его при жизни, так какое мне дело до того, добр он был или зол, честен или лжив. Пусть близкие решают задачку о его качествах, а достоин он рая или осуждён на ад, судить не мне.

Так и получилось, что девушка осталась совсем одна. Её сторонились, шептались за спиной, но вредить не вредили, рассудив, что однажды она сама себя накажет. Только одна, очень старая плакальщица, подошла однажды к Эстелле, взяла за руку и предупредила, что если девушка продолжит вести себя подобным образом, то однажды всё вернётся, и случится так, что она не сможет оплакать самого близкого человека.

Эстелла только рассмеялась, решив, что таким образом женщины пытаются её запугать.

– Кто же запретит мне плакать? Скоро я стану богатой, и никто не посмеет мне возразить! – возмутилась она. – Прочь от меня, глупая старуха!

Шли годы, красота Эстеллы тускнела, достаток рос. А предложений работы становилось всё меньше. Ей оставалось только ждать, пока старость окончательно иссушит её тело (старухам платили не меньше, чем юным красавицам) или выходить замуж. К счастью на пути девушки встретился наследник одного банкира. Она вышла замуж, родила сына и через пять лет подлив в его вино яд, счастливо овдовела. Счастливо, потому что мужа своего не любила, а его состояние пришлось как нельзя кстати.

Её сыну Даниэлю едва исполнилось восемнадцать, когда разразилась кровопролитная война. Мальчик отправился на фронт сразу после выпускного. Одним летним утром он вышел из дома, помахал рукой и словно растворился в солнечном свете. Больше мать никогда не видела сына.

Сегодня война давным-давно закончена. Вернулись домой солдаты, покалеченные душой и телом, прилетели похоронки на погибших. И только Эстелла ничего не знает о судьбе своего мальчика. Она продала все свои вещи, потратила все деньги на поиски своего сына. Напрасно.

Каждый день выходит на дорогу старуха в лохмотьях. Вглядываясь в даль, она ждёт своего сына. Самое страшное то, что она не может оплакать своё единственное дитя, храня в сердце робкую надежду, что Даниэль жив. Жуткая неизвестность разъедает её изнутри. Глаза почти не видят, ноги не держат, но она всё равно ждёт. И будет ждать до последнего, до самого своего конца.

Зачем сестра рассказала мне эту историю? Хотела стереть мой страх и вызвать жалость к старухе? Если так, то у неё ничего не вышло. С того самого момента, как я глубоко потрясённый вылез из-под тёмного стола, меня заполнил настоящий ужас. Теперь старуха ассоциировалась не столько с колдовством, сколько со смертью, о которой я даже подумать боялся.

Глава 4

Смерть – жуткое слово. Как часто просыпался я ночью, задыхаясь от неожиданной мысли, что однажды всё закончится, и меня никогда больше не будет на этом свете. Никто не стремился объяснить маленькому мальчику, что ждёт его там, за последней чертой. Родители не исповедовали ни одной религии, лишь формально называя себя христианами. Сам для себя я решил, что на той стороне ничего нет, что в один не прекрасный момент я просто исчезну, и ничего от меня не останется. Мысль, что все мои переживания, радости и горести закончатся ничем, растворившись в небытие, приводила в ужас.

На старуху я даже смотреть боялся. Лишь однажды, в конце ноября, столкнулся с ней на улице. Против своего обыкновения она стояла не у подъезда, а посреди двора, сотрясая клюкой воздух. Пальто её было расстёгнуто, из-под платка выбивались седые пряди. Старуха плакала. Слёзы, не останавливаясь, текли по её худому лицу. Кого же она оплакивала? Своего сына? А может, всех нас, наш город, привычный мир, которому суждено кануть в бездну? В тот момент я решил, что должно случиться что-то очень страшное.

Наступил декабрь. Необычно холодный.

– Новый ледниковый период, – объяснила Таня и начала долго и нудно рассказывать про то, что уже было четыре или пять таких периодов.

Я зевал и думал о том, что ничего-то она не понимает. Всё дело в старухе, проклявшей человечество. Не зря же она плакала.

Мы болели. Таня долго и нудно, растянув невысокую температуру и непрерывный насморк на неделю. Я стремительно, провалявшись два дня с дикой головной болью и кашлем, а после почти выздоровев.

Целыми днями мы торчали дома, кутались в одеяла, пили горячий чай с мёдом и играли в придуманные Таней игры. Например, в предложения.

– Белый, – говорила сестра.

– Белый снег, – продолжал я.

– Белый снег падает.

– Белый снег падет на землю.

И так далее. Наши предложения-гиганты превращались в целые рассказы. Периодически каждый из нас засыпал, а проснувшись продолжал историю. Таня никогда не ошибалась, запоминая все слова до единого.

Мы исследовали квартиру, забираясь в самые неожиданные места. Изучали содержимое шкафов, недоступное в другое время. Таня отыскала толстый альбом с фотографиями, завалившийся за диван. Мама думала, что он по ошибке был сдан в макулатуру вместе с ненужными изданиями и очень переживала из-за его потери.

Мы листали тяжёлые страницы с серыми прямоугольниками, вглядывались в неуловимо знакомые лица.

– Это кто? Мама? – удивлялся я, рассматривая смеющуюся девочку с длинной косой.

– Похожа, – Таня, щурясь, разглядывала снимок. – А это дедушка.

Сестра ткнула пальцем в высокого старика с растрёпанной шевелюрой. Он стоял, насупившись, чуть в стороне от наших родителей. Маленькая Таня повисла на папиной руке, а пухлым младенцем на руках мамы, по-видимому, был я.

– Я его только один раз видела, – объяснила сестра. – А ты его, наверное, вообще не помнишь.

– Он что не может приехать? – спросил я.

– Не хочет, – вздохнула Таня. – Он очень папу не любит, обзывает его по всякому. Я слышала тогда, как они ругались.

– Почему?

– Потому что он не русский.

– Подумаешь! У него что три руки или четыре глаза?

– А если бы три руки, – сестра пристально смотрела мне в лицо, – то что?

– Да ничего, наверное.

Я сразу подумал про соседа дядю Яшу. У него не было правой руки. Совсем, с самого рождения. Человеком же он от этого быть не перестал, всегда улыбался, никогда не ругался, а наоборот стоило только выйти во двор, как дядя Яша кричал: «Привет! Как жизнь молодая?» «Отлично!» – кричал я в ответ и махал рукой.

– Вот видишь, ничего, – пробурчала Таня. – А ему не нравится.

Потом мы читали книгу. Самую грустную книгу моего детства. Точнее читала сестра, а я лежал, закинув ноги на спинку кровати и слушал. Фамилия автора, Козлов, казалась мне отчего-то ужасно смешной. Таня злилась и била меня подушкой, приговаривая:

– Нет здесь ничего смешного, козёл ни в чём не виноват, он хороший.

Я хохотал ещё громче и колотил по подушке кулаками. Потом лежал и плакал от неизлечимой тоски, которую подарил мне грустный автор со смешной фамилией.

– Правда, мы будем всегда? – повторил я написанные им слова.

– Правда, – улыбнулась Таня.

– Навсегда-навсегда?

– Конечно, – она обняла меня, и я задремал.

Разбудил меня страшный грохот. Я открыл глаза и оказался в тесной каморке. Сверху, в нескольких сантиметрах от моего лица, нависал бывший потолок. Было темно, глаз выколи, нос и рот забила заполонившая тесное пространство пыль. Я решил, что началась война и заплакал.

– Не бойся, – Таня. Чуть слышно. – Всё хорошо.

Я не мог успокоиться. Тогда начала нашёптывать истории про маленьких человечков, живущих в каждой квартире. Рассказывала бессвязно, теряя нить повествования, и я почти ничего не запомнил. Сестра говорила, казалось, целую вечность. Потом окликнула меня:

– Генка, ты здесь? Давай тоже что-нибудь говори. Не молчи.

– Я не знаю, что говорить.

Таня помолчала.

– Маленький, – внезапно прошептала она.

– Что?

– Маленький.

И тут я понял. Наша игра.

– Маленький котёнок.

– Маленький котёнок играет.

– Маленький котёнок играет синим.

– Маленький…

Она замолчала.

– Забыла? – я испугался. Тишина. – Тань, поговори со мной!

Ни звука. Я снова начал плакать, потом обессилел и задремал. Когда сверху раздался шум и чьи-то руки вытащили меня наружу, к обжигающему свету, я уже почти ничего не соображал. Я открыл глаза, посмотрел в сереющее зимнее небо и тут словно кто-то нажал на выключатель, и всё исчезло.

Глава 5

Человеческая память заботлива. Самое страшное она размывает, делая похожим на сон. Я почти не запомнил месяцев, проведённых в больнице и в детском доме. Не помню, кто и как сообщил о том, что родителей больше нет, что не существует даже нашего города, разрушенного до основания. Наверное, Таня.

– Литосферные плиты, – говорила она, сводя и разводя ладони, – когда они сталкиваются, земля трясётся, и всё рушится.

Да, нет, не она. И не тогда. Про плиты сестра потом рассказывала. Мы сидели в сквере у вокзала. Весеннее солнце почти не грело, по дорожкам гулял пронизывающий ветер. Таня всё сводила и разводила свои руки, а я вдруг застыл, поражённо вглядываясь в её лицо. Только сейчас я заметил рыжие крапинки вокруг её глаз – восемь слева и одиннадцать справа. Странное сочетание – чёрные как смоль волосы, карие глаза и белоснежная кожа с веснушками. Ветер играл её волосами, открывая изящные уши с серёжками-шариками.

– Так, вообще, бывает, – объясняла она. – В 1755 году в Португалии, вообще, сто тысяч человек погибли. Представляешь. А там эпицентр, вообще, в океане был.

Она что издевается? Какое ей дело до какой-то там Португалии? Сегодня я понимаю, что с её стороны это всего лишь защитная реакция. Другие пытаются забыть, стереть из памяти, а она наоборот хранит, анализирует, сравнивает, приуменьшая значимость произошедшего. Тогда я ничего не понял, только спросил:

– Ты теперь всегда так говорить будешь?

– Как так?

– Вообще, так говорить, вообще, – передразнил я.

– Ладно, не буду.

– Говори, как хочешь!

– Мы теперь только вдвоём, да? – спросил я.

– Почти, – вздохнула Таня, кивнув на заброшенный фонтан. Вокруг каменной чаши носился жёлтый клетчатый шарик с растрёпанной шевелюрой. Шарик звался тётей Мартой, передвигался на толстых, обтянутых коричневыми чулками, ногах и отличался удивительной рассеянностью.

– Сама же время перепутала! – покачала головой сестра. – Бегает теперь, суетится. Чего волнуется? Всё равно раньше пришли.

Я перевёл взгляд на мелькавшую передо мной тётю. Никогда не думал, что человек может быть таким круглым. Мысли у меня потекли совсем не в ту сторону. Я размышлял, не носит ли она специальную одежду, чтобы добиться подобной формы. Я представил себе круглый каркас, скрытый под пальто, и засмеялся.

Можно подумать, что я был чёрствым и бездушным мальчиком, и смерть родителей не потрясла меня. Это не так. Я действительно почти не плакал. Если только в самом начале. Потом мной овладела застрявшая внутри апатия. Мне ничего не хотелось, я жил словно слепо выполняющий приказы раб. Мне говорили сесть, я садился. Просили встать – я вставал. При этом в голову лезли разные странные мысли. И тогда я смеялся. Таня утверждала, что истерически.

– Плохо, что ты не плачешь, – твердила она. – Если долго держать в себе, то в конце-концов взорвёшься. Иногда мне хочется тебя отлупить, чтобы заставить зареветь, чтобы вышла наружу эта чёрная гадость.

Вот и в тот раз, в сквере, сестра посмотрела на меня сердито, поджала губы и процедила:

– Перестань! Ты похож на психа.

Я перестал смеяться и отвернулся. Пустота. Чёрная дыра внутри. Сквозь неё дует ветер, холодный и пронизывающий. Холодно. А у Тани юбка короткая и ноги голые.

– Замёрзла?

– Нет, а ты?

– Немножко.

– Пойдём в вокзал, там теплей, – предложила сестра. – Попроси тётю.

– Может ты?

– Боишься?

– Чуть-чуть.

– Если всегда будешь бояться, то ничего в жизни не добьёшься. Забьёшься в угол и станешь трястись от страха. Так и умрёшь в этом углу от голода.

– Почему от голода? – не понял я.

– Попросить побоишься или выйти не сможешь.

Опять издевается. Тётя тем временем остановилась, и начала судорожно рыться в сумке.

– Давай быстрей! – зашипела на ухо Таня.

Вздохнув, я подошёл к тёте и дёрнул её за рукав. Она посмотрела, не узнавая. Потом замерла, вспоминая, быстро-быстро заморгала и охнула, опустившись на холодный край фонтана.

– Голова моя дурная! – заверещала она, оглушая. Стая птиц, испугавшись, взметнулась вверх. Я вздрогнул.

– Запамятовала, запамятовала совсем! – тётя вцепилась мне в плечи, повертела, рассматривая, и с силой прижала к своей огромной груди. Задыхаясь, я вдыхал запах несвежей одежды, нафталина и приторно-сладкой туалетной воды.

– Баклажанчик! – не унималась она. – Чистый баклажанчик! Синенький! Да что ж ты молчал-то! Замёрз ведь!

И подхватив меня на руки, понеслась к вокзалу.

«С ней не соскучишься», – подумалось мне. И отчего-то стало вовсе не весело, а тоскливо.

Глава 6

Вокзал походил на католическую церковь. Я видел похожую в отцовских альбомах по искусству, которые он иногда разрешал полистать. Высокие, уходящие в никуда стены, витражные окна до потолка. Причудливо преломляясь, робкие лучи солнца рисовали на полу волшебные узоры в виде невиданных зверей и цветов. Зелёным цветом тянулись вверх изогнутые стебли, взрываясь на концах густо – красными кровавыми шарами, пульсирующими словно живые человеческие сердца.

Огромный зал пустовал. Только в первом ряду читал газету пожилой мужчина в шляпе, а в углу дремала на узлах и чемоданах толстая старуха, замотанная платком. Вокзал поразил меня своей красотой и величием. Впечатление портили пластмассовые грязно-оранжевые стулья и развешанные повсюду безвкусные картины.

– Что здесь нарисовано? – поинтересовался я у сестры, разглядывая тёмно-лиловое пятно на розовом фоне.

– Правильно говорить не «нарисовано», а «написано», – отозвался мужчина в шляпе. – Это ты в альбоме рисуешь, а художники пишут.

И снова уткнулся в свою газету.

– Скорее намалёвано, – возмутился я. – Попробовал бы я такое написать, сразу бы схватил пару по рисованию!

Таня наклонила голову влево, затем вправо, отошла на несколько метров и многозначительно произнесла:

– Редкая мазня!

Я захихикал. Истерически, конечно. Таня нахмурилась, тётя шикнула, а мужчина в шляпе отложил газету и строго погрозил пальцем. Я зажал рот ладонями, но остановиться не мог, издавая похожие на хрюканье звуки.

– Хватит уже! – закричала Таня. На её глазах заблестели слёзы. – С ума сошёл что ли! Ничего уже сказать нельзя!

Покраснев, я мгновенно успокоился.

– Пойдём, лучше я тебе одну историю расскажу, – сжалилась сестра и потащила меня в самый дальний и тёмный угол, для полного эффекта.

История о молодом художнике

Талант в нашем мире редок. Гениальность и вовсе днём с огнём не отыщешь. Чаще всего случается так, что человек сам наделяет себя способностями, которых нет и в помине. Жил в одном городке молодой человек. Самый обычный, не выделявшийся ни умом, ни внешностью. Серенький такой человечек. Звали

его Яном. Больше всего на свете Яну хотелось стать знаменитым художником. Это же счастье, а не занятие. Стой себе в светлой мастерской, наноси на холст яркие мазки. Над одной из картин можно и полгода работать. А потом продать её за несколько миллионов. О том, что многие художники закончили свою жизнь в нищете, Ян и не подозревал.

Он с упоением скупал в магазинах всевозможные приспособления, освободил одну из комнат, разложил на полках краски и кисти. Наконец, когда всё было готово, Ян, нацепив на голову берет, взял в руку кисть, обмакнул в краску, провёл по холсту и… ничего не произошло. Он просто не умел рисовать. Человек на его холсте получился похожим на сделанное из палок пугало. Он стоял на грязно-жёлтом поле, а на заднем фоне неровной линией маячили расплывчатые силуэты сосен. В небе плыли серые облака с широко раскрытыми глазами и уродливо изогнутым ртом.

Ян понял, что его картина не имеет ничего общего с творениями прославленных мастеров. Но всё же ему очень хотелось стать богатым и знаменитым. И он нашёл выход. В разговорах со знакомыми и не очень людьми Ян между делом рассказывал о новой современной живописи, для которой не важно сходство с реальными предметами, а те, кто ругает новых живописцев, всего лишь глупые отсталые люди. Один друг Яна написал хвалебную статью в журнале, другой – организовал его выставку. После этого стало неудобно и стыдно ругать картины, сюжет которых не мог разгадать никто, даже сам художник. И только самые смелые и независимые люди называли творчество Яна тем, чем оно и являлось – бездарной мазнёй. Но их, к сожалению, меньшинство.

Внезапно сестра замолчала. Я оглянулся. За моей спиной, в глубине вокзала, стояла старуха. Раскрыв рот в беззвучном плаче, она тянула к нам руки. Седые пряди, выбившиеся из-под платка, молочно-белые зрачки – это была она, «ведьма» с нашего двора, вечная плакальщица, проклявшая город.

Я открыл рот, но кто-то словно сжал мне горло. Захлёбываясь в беззвучном крике, я сделал шаг назад, потом ещё один, и ещё… пока не врезался во что-то большое и мягкое. Тётя Марта.

– Зачем ты туда полез? – закричала она, переходя на фальцет. – Весь в пыли, в паутине! Поезд уходит, а он пропал!

Тётя потащила меня к выходу, едва не оторвав мне руку. Я обернулся. Тёмный угол был пуст. Никакой старухи не было и в помине. И только бледное лицо сестры говорило о том, что мне не померещилось.

Глава 7

Снежная буря за окном стихает. Белая мгла медленно опускается на землю, расплываясь по окрестностям. На детской площадке драка. Трое мальчишек лет десяти стащили с качелей четвёртого и, повалив его на землю, исступлённо пинают ногами. Я открываю окно. В кухню врывается колючий морозный воздух.

– Отошли от него! Живо! – меня опередили. Соседка грозит тростью с дальней лавочки.

Мальчишки бегут прочь. Пострадавший с трудом поднимаясь, проводит по лицу рукой. Я чувствую медный запах крови прежде, чем красная струйка проявляется на светло-серой варежке.

Год назад в классе у Лики разразился скандал – избили новенькую. Широколицая, с необычным разрезом глаз девочка оказалась слишком тихой и скромной для шумного 5 «Б».

– Много о себе воображала, ходила, задрав нос. Вот и получила, – шептались в школе. Директор Анна Николаевна сокрушённо вздыхала: «Не нужно было им приезжать из своей Якутии. У нас жизнь другая». Родители девочки, потерянные и ничего не понимающие деревенские жители, сидели с недоумевающим видом, не зная, что делать – кричать, добиваясь справедливости или довериться администрации школы.

Лика рыдала:

– Я ничего не делала! Только смотрела! Даже на телефон не снимала!

– Почему ты за неё не заступилась? – я не осуждал, просто хотелось понять.

– А ты знаешь, сколько их? Хочешь, чтобы и меня так?

– Не хочу. Просто это как-то неправильно.

– Да я не виновата! Не виновата! Всегда ты так! Ничего не понимаешь! – Лика убежала, ища защиты у матери. Приходится признавать, что я не могу с ней ладить. А с кем, вообще, я сумел поладить в своей жизни?

У тёти Марты было шестеро детей. И не с одним из них я не смог подружиться. Анечка была слишком маленькой, близнецы – чересчур правильными и сосредоточенными на собственном маленьком мирке, не принимающем посторонних. А трое старших создали мой персональный ад. Руководил ужасной троицей Тигран.

В первый же день он приказал братьям испытать меня, схватив за ноги и перекинув через перила лестницы, ведущей на второй этаж. Я висел вниз головой, умирая от страха, а Тигран внизу трясся от смеха, приговаривая: «Не страшно тебе? Ни капельки не страшно?»

Старший братец оказался заботливым – велел расстелить на полу одеяло и накидать несколько подушек.

– Какой хорошенький мальчик! – повторял он. – Жалко будет, если он сломает ручку или ножку. Боишься сломать ручку, мелкий?

Я замер, боясь пошевелиться. Горло запечатал огромный ком, мешающий говорить. Я сложил руки на груди и приготовился умирать.

– Ладно, – смилостивился Тигран. – Тащите его обратно! А то ещё описается от страха!

Братья потянули меня вверх, и я перепугался пуще прежнего, задёргался и, высвободив одну ногу, ударил ей прямо в челюсть одного из братьев. Мгновение – и я уже на полу.

– Больно? – Тигран участливо заглянул в лицо, пощупал бока. – Ничего не сломал?

От его осторожных прикосновений я захихикал. Тигран обиженно отвернулся.

– Притворяется! – фыркнул он.

На самом деле было ужасно больно, но руки и ноги, к счастью, остались целы.

– В следующий раз матрас положим, – распорядился Тигран, наблюдая за моими неуклюжими попытками встать.

Внутри у меня всё оборвалось. Второго раза я не переживу.

Целую неделю потом я ходил и оглядывался, опасаясь повторной экзекуции. А по вечерам, когда в комнату пробиралась Таня, умолял её спасти меня от обидчиков. Сестра оставалась непреклонной.

– Ты что так и хочешь прожить жизнь под женской юбкой? – спрашивала она. – Мне тебя что, на верёвочке водить?

– У тебя юбка короткая. Я под неё не влезу.

Таня смеялась. Невесело, с горькой усмешкой. Потом рассказывала мне одну из своих историй, а когда мои глаза начинали слипаться и за закрытыми веками появлялись яркие светящиеся круги, она осторожно выбиралась из кровати и бесшумно покидала комнату.

Часто после её ухода я открывал глаза и, уставясь в беспросветную темень вокруг, думал о том, как заставить Тиграна себя уважать и заполучить хотя бы одного друга.

Случай представился почти через неделю после потрясшего меня висения вниз головой. Я стоял во дворе и наблюдал за огромной соседской собакой. Пёс неизвестной породы, натягивая цепь, рвался вперёд и яростно лаял на сидевшую на заборе кошку. Кошка невозмутимо умывалась, не обращая никакого внимания на огромное чудовище, способное её растерзать.

В стороне лениво пинали мяч парни с нашей улицы. Было жарко и душно. Воздух казался плотной тягучей массой, разрывающей лёгкие. Тигран, зевая, охранял

импровизированные ворота, отмеченные двумя крупными валунами.

– Смотрите! – закричал я и смутился. Мне показалось, что мой голос сорвался в визгливый фальцет. Тигран обернулся, наградив меня насмешливым взглядом.

– Чего у тебя там? – выкрикнул кто-то.

Я набрал в грудь побольше воздуха и повторил:

– Смотрите! Сейчас я подойду к этой собаке и поглажу её!

Мальчишки засмеялись.

– Не страшно тебе, мелкий? – Тигран подошёл ближе. – Видишь, какие у неё зубы огромные? Хрясь, и нет у мальчика ручки! Или ножки. Ты что выбираешь – ручку или ножку?

Я сглотнул. Идея подойти к собаке мне как-то разонравилась. Мальчишки продолжали смеяться, и их смех парадоксальным образом придал мне смелости. Я закрыл глаза, всеми силами пытаясь прогнать из сознания огромные зубы с капающей с них зловонной слюной, твёрдые как сталь когти и налившиеся кровью глаза.

Один шаг, второй… я у самого забора. Вытянутая рука нащупала шершавую древесину. Осталось только отворить калитку.

– Стой! – закричали сзади. – Она же тебя и правда руку откусит!

Я усмехнулся. Громко, надеясь, что меня услышат и убедятся в моём полном бесстрашии. Потом открыл глаза, сориентировался в пространстве и поднял ногу для последнего, решающего шага. Чья-то рука с силой дёрнула за ворот, поволокла назад.

– Крыша совсем съехала? – надо мной стоял Тигран, красный от гнева. – Куда полез, мелкий? С головой не дружишь?

Я разозлился. Зачем, ну, зачем он остановил меня? Почему не дал проявить смелость, показать, что я не хуже его и всех остальных, что я тоже способен на поступок? Позавидовал? Или ему нравилось меня унижать?

– Но ведь я же смог! Если бы ты меня не дёрнул, я бы к ней подошёл! Обязательно бы подошёл! Зачем ты меня дёрнул! – закричал я.

– А мне безрукий родственник не нужен, – Тигран отвесил мне подзатыльник и пошёл прочь.

– Но я же храбрец? Правда? – не сдавался я.

Тигран обернулся:

– Ты идиот, мелкий. Просто идиот.

Глава 8

В тётином доме царствовал бардак. Он начинался покосившейся оградой и запущенным садиком. Продолжался прислонёнными к крыльцу велосипедами и раскиданными по нестриженной лужайке игрушками. В двухэтажном домике бардак разошёлся вовсю. Первое, что я увидел, переступив порог – это свисающие с люстры ярко-оранжевые колготки.

– Не обращай внимания, – тётя отпихнула угодившую под ноги игрушечную машинку. – Деточки играли.

Тычком в грудь тётя усадила меня на круглое подобие пуфика и, стянув с моих ног ботинки, швырнула их в дальний угол прихожей.

– Не бойся! Тебе у нас понравится! – радостно возвестила она.

Я обвёл взглядом заляпанный красками пол, разрисованные от пола до потолка обои, объеденные неизвестным существом цветы в обшарпанных горшках

и загрустил. Таня наоборот углядев в приоткрытую дверь длинные ряды книг, издала победный крик и рванула изучать содержимое полок. Кому-кому, а ей здесь скучно точно не будет.

Следующие полчаса тётя Марта занималась тем, что вытаскивала из-под буфета заползшую туда Анечку. Девочка ревела белугой, тётя тянула её за ноги и, как в сказке про репку, никак не могла вытянуть.

Я сидел напротив дяди Артура и выслушивал длинную лекцию о том, как хорошо и замечательно я буду жить в этом доме. Не важно, что я не родной. Здесь всех любят одинаково. Я покосился на брыкавшуюся Анечку – тётя тянула, не жалея сил. Я бы тоже так орал, если бы мне точно так же пытались оторвать ноги. На любовь это как-то не тянуло. Ничего страшного, продолжал дядя, что я седьмой. Это с одним ребёнком тяжело, а потом образуется саморегулирующаяся система, в которой старшие следят за младшими, а младшие учатся на примере старших вести себя по правилам и слушаться взрослых. При этом важно одно – вложить основы воспитания в первенца, который и передаст их остальным.

Потом мне показали холодильник, сообщив, что я могу брать из него еду в любое время, как только мне захочется поесть. Мы не приемлим насилия, объяснил дядя, любой может есть и спать тогда, когда этого захочет сам организм. Поэтому дети здесь счастливы и свободны в своём выборе, что создаёт особую атмосферу уюта и спокойствия.

Следуя зову организма, дядя отправился подремать, а тётя Марта, справившись, наконец, с младшей дочкой, сказала, что я могу заниматься всем, чем заблагорассудится и что она будет мне очень благодарна, если я самостоятельно осмотрю дом и окрестности.

– Только не забредай далеко, – предупредила она, усаживая Анечку в высокий стульчик, – ещё потеряешься, а мы и не заметим!

И засмеялась своим странным утробным смехом.

Удивительно, но при полном отсутствии воспитания и режима дня близнецы Карина и Арам умудрились составить собственное расписание на день, от которого они ни на шаг не отступали. Жили они в одной комнате, ходили,

держась за руки. Любая попытка разлучить их хотя бы на минуту приводила к истерике. По утрам чисто умытые, одетые с иголочки, они спускались на завтрак, расстилали на коленях салфетки и чинно вкушали всё, что им предлагали. Их воспринимали как единое целое, и часто можно было услышать летящее по дому: «Эй, Карам, идите сюда!» Тиграну нравилось ими командовать. Вне обязательных пунктов своего расписания близнецы были податливы как пластилин. Они беспрекословно выполняли просьбы и приказы других людей.

Как-то раз Тигран решил устроить соревнования по бегу. Прочертил на земле линию, выстроил перед ней близнецов, двух своих братьев-прихлебателей (их имена напрочь стёрлись из моей памяти) и меня.

– Бежим по сигналу, объявил он. – До сарая. Кто прибежит первым, получит приз. А, может, и не получит.

Тигран дунул в свисток, и мы побежали. Старшие сразу вырвались вперёд, а я пыхтел далеко позади рядом со вцепившимися друг в друга близнецами. Мне не очень хотелось победить. Ещё неизвестно, что за приз выдумал этот Тигран. Наверняка, что-то плохое и издевательское.

Близнецы бежали неуклюже, смешно выворачивая коленки. Один из старших уже радовался победе, колотя кулаками по дощатой стенке сарая, когда Карина споткнулась и полетела на землю, увлекая за собой брата. Я затормозил.

– Я не удивлён. Почему-то, – прокомментировал Тигран.

А я потрясённо наблюдал, как близнецы вместо того, чтобы поскорее вскочить на ноги, хором зарыдали в голос. Я бросился их поднимать, но они так яростно дёргали конечностями, что я отступился.

Вечером я рассказал сестре про их странное поведение.

– И чего они так разревелись? – спросил я. – Можно подумать, ноги переломали. Подумаешь, одежду испачкали! Делов-то!

– Не обращай внимания, – успокоила Таня. – Они же куклы. А для кукол грязная одежда страшнее, чем сломанные руки и ноги. Они думают, что хороший мастер всегда сможет их заменить. Глупые, у них совсем нет мозгов, потому и мысли наизнанку вывернуты.

– Откуда ты знаешь, что они куклы?

– Да ты посмотри, как они ходят! Будто линейку проглотили. И глаза пустые, стеклянные. Они вообще не отсюда. Раньше они были самыми простыми неподвижными куклами. Стояли себе в витрине деревенского магазинчика, таращились на прохожих. И вот однажды приехал в деревню один волшебник. Это был очень добрый волшебник. В каждом городке или деревеньке он исполнял одно-единственное желание. В этот раз волшебник помог семье, в которой не было детей. Были бабушки, дедушки, тёти и дяди, мама и папа и даже одна очень старенькая прабабушка. Тогда волшебник купил в магазине двух кукол, мальчика и девочку, оживил их и привёл в дом несчастной семьи.

– А как они оказались здесь? – я слушал, забывая дышать. – Почему не живут в той деревне?

– Я же говорила, что они безмозглые! Они не понимают, что такое любовь и забота. В той семье их окружили большой любовью, но не смогли дать им красивых вещей, потому что папа работал простым сапожником и зарабатывал слишком мало денег. Куклам приходилось подолгу носить одно и то же, играть в самодельные игрушки, а не в яркие магазинные. А ещё они должны были помогать по хозяйству – мыть посуду, подметать пол и кормить животных. Однажды это им наскучило и они ушли искать других, более богатых родителей.

– Но тётя Марта и дядя Артур не очень богатые, – возразил я.

Таня вздохнула:

– Конечно не богатые. Просто куклы ещё маленькие, а дети не могут жить одни. Поэтому они решили пожить здесь. Временно. Потом они уйдут искать тех, кто станет заботиться о них, одевать в красивые вещи, хвалить и целовать. А они будут просто красоваться и позволять себя любить.

– Как хорошо, что мы не куклы, – решил я. – Здорово, когда о тебе заботятся, но быть безмозглым мне совсем не хочется.

Глубоко внутри я всё равно завидовал близнецам. У них был свой мир, в котором они могли чувствовать себя свободными и счастливыми. Потом мне пришло в голову, что все люди вокруг живут словно в прозрачных пузырях. Их можно видеть, но для них самих мир искажается и предстаёт таким, каким они хотят его видеть. Тётя Марта существует в полной уверенности, что вседозволенность – лучшее воспитание и не замечает, как двое её детей так глубоко погружаются в себя, что неминуемо приведёт к катастрофе. Дяде Артуру мысль о саморегулирующейся семейной системе доставляет радость и спокойствие. Таня скрывается в книгах. Тигран с братьями наверняка тоже образуют собственный замкнутый мирок. Я часто грежу с открытыми глазами, выдумывая несуществующие миры. И никто из нас не знает, какой же он на самом деле мир реальный.

Глава 9

– Товарищ Григорян! Товарищ Григорян! – Галина Семёновна из седьмой. У неё все товарищи.

– Товарищ Григорян! Это же непонятно что делается! Они опять деньги собирают! А где на всех взять? – Она смотрит на меня с надеждой, словно я светоч мудрости и взмахом руки могу решить любую проблему.

– Говорят, у неё онкология, нужна операция в Германии, – Галина Семёновна тяжело дышит. Бежала за мной от самого подъезда. – Посмотрите, врут или нет?

И суёт мне в лицо листовку с крупными горящими красным буквами «Завтра будет поздно!» Я всматриваюсь в фотографию девочки, опутанной трубками, читаю диагноз. Как интересно должен я понять, в самом деле она больна или всё это дело рук мошенников, для которых нет ничего святого?

Галина Семёновна меня уважает. Просто потому что я врач. В её глазах я овеян божественным светом человека-мученика, который недосыпает ночами, борется

с неминуемой смертью и равнодушием чиновников, получая за это символическую плату. Таков я в её глазах. Переубеждать её и объяснять, что всё не так уж и плохо, бессмысленно. Она верит лишь себе и поколебать её внутренние убеждения, рождённые многочисленными стереотипами невозможно.

Соседка свято верит в мой ум и порядочность, советуясь по любому поводу, не только медицинскому. Вот и сегодня она остановив меня во дворе, ждёт ответа, которого я не могу дать.

– Не знаю, – хочется быть честным.

Галина Семёновна вздыхает:

– Что ж делать-то? Придётся дать. Вдруг правда. Жалко ребятёнка.

Я оборачиваюсь. В окне смеётся Аня. Знает, что от соседки мне теперь не отделаться. Галина Семёновна просит проводить до магазина. Скользко, но это не главное. Просто одинокой старушке скучно, ей хочется продлить разговор, поделиться наболевшим и пожаловаться на несправедливость жизни.

– В загранке, небось, денег не собирают! – вздыхает Галина Семёновна. А мне хочется рассмеяться. Конечно, где-то далеко есть рай, в котором все операции бесплатны, солнце неизменно яркое, а жизнь непременно счастливая! Только где оно, это райское место?

– Надо бы и вам уехать, Геннадий! – продолжает она. – Такой хороший врач, а пешком ходите. Даже машину себе позволить не можете.

Странная, будто без машины и человек не человек. Большое удовольствие стоять в московских пробках!

– Надо, надо, – не успокаивается Галина Семёновна. – Здесь Вы пропадёте.

И отпустив мою руку, старушка скрывается за дверью магазина.

Уезжать? Куда? Зачем? Разве от себя убежишь?

Тётя Марта заграницу боготворила. Лето, проведённое с её семьёй, осталось в моей памяти в виде бесконечных разговоров об Америке, куда перебралась троюродная сестра тёти. Мне показывали фотографии с счастливыми улыбающимися до ушей людьми разного возраста, рассказывали о том успехе, которого все мы сможем добиться, когда соберутся нужные документы, накопятся деньги, а мы сами взойдём на борт самолёта, который унесёт нас в светлое будущее.

Тётя суетилась, теряла справки, создавая в доме атмосферу постоянной напряжённости. Дядя со всегдашней невозмутимостью ждал, когда система, отрегулировавшись, придёт в норму. А мы с Таней просто-напросто сбегали, чтобы побродить по окрестностям.

В последний месяц лета мы часто ходили гулять. Только вдвоём. Казалось, Таня не знала, что такое усталость. Она брала меня за руку и настойчиво тянула вперёд. Каждый день мы заходили всё дальше и дальше, забредая в удивительные места и разглядывая причудливые здания. Таня всегда знала, кто жил когда-то в заброшенных домах, что происходило в их стенах и почему они опустели. Истории бывали добрыми, весёлыми, иногда жуткими, но неизменно интересными и захватывающими.

Однажды мы забрели особенно далеко, на самый край города. Там, над заброшенным кладбищем, возвышалась старая, похожая на огромную шахматную ладью, башня.

– Для чего она здесь? – спросил я.

– Ты знаешь, что все когда-то написанные книги никуда не исчезают? – вместо ответа сказала Таня. – Даже если сжечь все до одной. Я читала, что рукописи не горят. А ещё есть места, где все они хранятся. Это одно из них. Пойдём!

Она подтолкнула меня к башне. Я приложил ладони к шершавой кирпичной стене светло-серого цвета. Стена была тёплой и пахла цементом.

– Здесь нет двери? – удивился я, оглянувшись по сторонам.

Таня подошла и потянула за почти незаметную металлическую ручку. Серая дверь со скрипом отворилась.

– Не бойся! – Таня шагнула в тёмный проём. Я последовал за ней.

– Видишь? – прошептала сестра.

– Что?

– Свечи. И полки с книгами.

Странно, но меня окружали лишь полумрак, пыль и паутина.

– Закрой глаза, – попросила Таня. – И всё будет.

Я послушался, и тогда передо мной возникла удивительная картина. От закреплённых на стенах свечей было светло как в ясный солнечный день. Наверх вела спиралеобразная лестница, а всё пространство вокруг заполняли бесчисленные тома – большие и маленькие, неподъёмные фолианты и тоненькие брошюрки, сияющие новенькими обложками и прячущиеся за ними потёртые от времени корешки.

– Видишь, ничего не исчезает, – Таня любовно погладила разномастные ряды и побежала наверх. Приоткрыв глаза, я последовал за ней. Мы поднимались всё выше и выше. От разноцветных обложек рябило в глазах, закрученная в тугую спираль лестница уходила из-под ног, голова кружилась как после катания на карусели.

Сверху открывался великолепный вид на город с одной стороны, и на старое кладбище с другой. Но самым восхитительным было раскинувшееся куполом звёздное небо.

– Значит, ничего не исчезает, – спросил я.

– Ничего.

– Люди тоже?

– И люди, – Таня посмотрела на меня с удивлением. – Почему ты спрашиваешь?

– Я так скучаю по маме с папой, – вздохнул я. – Почему их больше нет?

– Они есть! Есть! – Таня вскочила и беспокойно забегала по крыше. – Пока их помнят, пока думают о них! Думай о них, Генка, и они всегда будут жить! Как звёзды.

– Смотри, – она подошла к самому краю. – Видишь, как их много. Некоторые из них давно погасли, но мы всё равно видим их свет. Разве не удивительно?

– Почему так?

– Потому что их свет очень долго идёт до земли.

– Значит когда-нибудь этот свет всё равно исчезнет.

– Не исчезнет, а превратится во что-то другое. Может, даже в новую звезду.

Долго ещё мы стояли и смотрели на небо. До тех пор пока Таня не заметила далеко внизу маленькие фигурки людей.

– Тебя ищут, – испуганно сказала она. – Ох и достанется же мне! Слушай, давай ты спустишься один, а я потом прибегу домой. Тебе ничего не сделают, а меня отругают.

– Меня не могут искать, – возразил я. – У нас же полная свобода. Хочешь иди домой, хочешь не иди!

– Да нет, точно ищут! Они думают, что я в библиотеке сижу, а ты совсем один, неизвестно где… – ну, точно! Видишь шарик на ножках?

Я пригляделся. Да это же тётя Марта! С ней ещё двое. Я испугался. Неужели, что-то случилось.

– Давай быстрей! – поторопила сестра.

Я послушно кивнул и что есть силы побежал вниз. На лестнице было темно, глаз выколи. Сбоку у стены мне привиделось лицо старухи. Я споткнулся и едва не покатился кубарем. Продираясь сквозь липкую паутину, едва отыскал дверь и вывалился, наконец, на улицу.

Тётя подбежала, размахивая старомодным фонарём в виде керосиновой лампы. Позади, негромко переговариваясь, вышагивали дядя и высокий старик с пышной шевелюрой. Казалось, они вовсе не переживали из-за моей пропажи.

– Нашёлся! Нашёлся! – заверещала тётя, раскрывая объятья. Спустя секунду я уже был прижат к её необъятной груди. От неё пахло потом, нафталином и детским питанием.

– Ты только посмотри, кто приехал! – продолжила она, отталкивая меня от себя. – Дедушка! Родной! Настоящий!

Я с опаской взглянул на стоящего поодаль старика. В свете луны его волосы светились над головой словно нимб, а сам он был самым высоким человеком, которого я когда-либо встречал в своей жизни. Тогда я ещё не знал, что ростом пошёл в деда и что лет через десять в анкете в графе «рост» стану уверенно писать два метра и один сантиметр.

Но тогда я был самым обыкновенным маленьким щуплым мальчишкой. Одна из соседок тёти Марты тётя Клара, бросив однажды свой зоркий взгляд на мою личность, горестным голосом произнесла:

– И что, позвольте спросить, у вас такой крохотный мальчик? Разве дашь этому ребёнку шесть лет? Да мой Сенечка уже в четыре года перегнал вашего Геночку!

После положила руку на мою макушку, вздохнула и вынесла окончательный вердикт:

– Ах, Марточка, скажу вам откровенно – этот мальчик без всякой надежды на подрости. Хорошо, если дотянет до полтора метра.

Иногда мне кажется, что и вымахал я таким только для того, чтобы доказать соседке, что во мне есть хоть какая-то надежда.

Итак гигант смотрел на меня сверху вниз. Я, задрав голову, смотрел на гиганта. Он пытался рассмотреть моё лицо, я старался не грохнуться в обморок. Стояли мы так минут пять под восторженным взглядом тёти Марты. И стояли бы до скончания века, если бы дядя Артур не откашлялся и не сообщил, что минут пятнадцать назад влез в темноте в какую-то зловредную лужу, образовавшуюся на тропинке и чувствует себя крайне неуютно. Почему бы поэтому не продолжить наше нежное знакомство дома с чашечкой чая и мясным пирогом, в тепле и уюте.

Дома к огромному разочарованию тёти я не смог продолжать знакомство от страха, усталости и ещё бог знает от чего. Полусонный стоял я в кухне, привалившись к буфету и сквозь прикрытые веки следил за изучающим взглядом деда. Тот тщательнейшим образом осматривал меня с головы до ног, разве что зубы не проверил.

– Хиловат он что-то, мелковат, – наконец изрёк дед. – Не наша порода.

Ровно на этих словах из-под буфета высунулась крохотная ручка и больно, а самое главное неожиданно, ущипнула меня за ногу. Не помня себя от страха, я дёрнулся, споткнулся о брошенный кем-то игрушечный меч и рухнул на пол.

– Анечка! – закричала тётя и, отыскав под буфетом детские конечности, принялась тянуть изо всех сил. Девочка завопила. Я, поднявшись, потирал лоб – умудрился-таки встретится во время падения со столом, дядя пил чай с пирогом, а дед, возвышаясь, над этим дурдомом всё качал и качал головой:

– Нет, не наша порода… приблудный…

Глава 10

Позднее я лежал в постели и дулся. У меня болели лоб и коленки, а ещё меня назвали приблудившимся хиляком. Будто я пёс шелудивый! Или раб на продажу!

Ужасно хотелось отыскать сестру, но из прошлых попыток я знал, что дело это пропащее. Таня всегда умудрялась забиться в такой угол, в каком её ни за что на свете не отыщешь. Просто чемпион по игре в прятки! Наверняка сидит где-то, закутавшись в плед, и читает при свете фонарика. А может, спит, свернувшись в клубок. Обидно.

И только я подумал, что это очень жестоко и несправедливо оставлять меня в одиночестве в такую трудную минуту, как Таня неслышно просочилась в комнату.

– Ну, как он тебе? – первым делом спросила она, забравшись под одеяло.

– Кто? – я сделал вид, что совсем ей не рад. Ну, ни капельки.

– Не притворяйся! Дед, конечно!

– Страшный.

– Потому что высокий? – сестра засмеялась. – Ну, это ерунда!

– Ещё он обзывается.

– Это плохо, – Таня вздохнула. – У него, вообще, скверный характер. Слушай, исполни одно моё желание.

– Какое? – мне стало интересно, чего хочет моя сестра. Раньше она ни о чём подобном не просила.

– Сначала скажи исполнишь или нет?

– Ладно, так уж и быть, исполню.

– Слушай, – зашептала Таня. – Дед приехал, чтобы забрать тебя к себе. Ты не сопротивляйся и езжай. Только, пожалуйста, никогда не говори с ним обо мне. Хорошо?

Я разочаровано вздохнул – какое странное желание! И только потом меня пронзила страшная мысль:

– А ты что, со мной не поедешь?

Таня покачала головой:

– Нет, он меня ненавидит.

– Почему?

– Думает, что из-за меня родители поженились, а потом мама погибла.

– Ерунда, – я был маленьким, но не настолько глупым, чтобы поверить в её россказни. – Я скажу, что без тебя никуда не поеду, и он сдастся. Делов-то!

– Ты же обещал! – зашипела Таня. – А обещания нарушать нехорошо!

– А бросать меня одного хорошо? Укатишь в Америку, а мне живи с этим противным стариком!

– Во-первых, он не противный, – начала объяснять Таня. – А во-вторых, быть в разных местах вовсе не значит не быть вместе. Главное друг о друге помнить.

– Помнить! Тоже мне! – фыркнул я. – Тут хоть обспоминайся и никакого толку!

И тогда Таня рассказала мне ещё одну историю.

История о мальчике и далёкой планете

Жил-был мальчик. Больше всего на свете он любил слушать звёзды. Нужно только, чтобы ночь была ясной. Забираешься на подоконник, прижимаешься щекой к прохладному стеклу и слушаешь. Словно из старого дедушкиного радиоприёмника, треща и прерываясь, льются к нему звуки: то стрекочущие, как

у насекомых, то протяжно-растянутые, как вопли загулявших котов. Мальчик не мог понять их смысла. Он просто слушал, наслаждаясь звучанием этой необычной небесной музыки.

Но однажды ему ответили.

– Привет! – произнёс кто-то.

– Привет! – ответил мальчик.

– Ты кто?

– Петя.

– Что такое петя?

– Имя.

– Имя… – голос задумался.

– Это то слово, которым тебя называют другие люди, – объяснил мальчик.

– Люди…

– Ну, да люди.

– Я понял! – радостно сообщил голос. – Так называются жители твоей планеты!

– А разве ты не человек?

– Я бри.

– Бри?

– Да. Я -бри, мои родители – бри и все мои братья и сёстры тоже бри.

– У тебя много братьев и сестёр? – спросил мальчик.

– Очень.

– А я совсем один.

– Почему один? – удивился Бри. – У тебя же теперь есть я!

– Расскажи мне про свою планету, – попросил Бри. – Она большая?

– Ну, да, – мальчик задумался. Оказалось, что о Земле ему почти ничего не известно.

– А наша планета совсем крохотная, – рассказывал Бри. – И зелёная, потому что вся покрыта болотами. Но кое-где есть небольшие возвышенности, на которых мы и строим свои дома. Скоро у нас большой праздник: зацветут гигантские цветы Ао. Они ярко-розовые и видны даже с соседней планеты. Мы всегда очень радуемся их цветению и танцуем дни напролёт, взявшись за руки.

Его голос становился всё тише и прерывестей.

– Куда ты? – огорчился мальчик. – Я почти не слышу тебя.

– Все планеты вертятся, – объяснил Бри, – и Солнечная система вертится, и галактика и даже вселенная. Наши планеты удаляются друг от друга. Боюсь, мы никогда больше не услышимся.

Мальчик заплакал.

– Не грусти, – сказал Бри. – Я не забуду тебя. И каждый вечер, сидя у своего домика, я буду о тебе думать.

Дедушка отворил дверь в комнату.

– Ты почему не спишь? – он сдвинул мохнатые брови, пытаясь изобразить строгость. Но мальчик-то знал, что его дедушка самый добрый.

– Быстро в постель!

Петя рыбкой нырнул в кровать.

– Колобродит ночами, – ворчал дедушка, поправляя одеяло.

А мальчик лежал и думал, как же это всё-таки здорово, когда где-то далеко, может быть даже на другом конце вселенной, кто-то о тебе думает.

Аня шутит, что с моей зацикленностью на звёздах и далёких планетах, мне нужно было заниматься астрономией, а не медициной. Ещё она утверждает, что всё, написанное мной, в корне неверно.

– Ну, не умеет шестилетний ребёнок так размышлять да и запомнить все эти истории так подробно он тоже не мог, – говорит она. – И уж совсем невозможно, чтобы твоя сестра умела придумывать такие истории. Просто ты описываешь себя вчерашнего с точки зрения себя сегодняшнего, взрослого и логичного. Дети же мыслят по-другому.

– Во-первых, Таня вундеркинд, – возражаю я, – она читать научилась в три года и столько всего перечитала, что нам с тобой и не снилось. Вселенная манит своей непознанной бесконечностью. А память устроена так, что почти невозможно объективно описать случай, произошедший с тобой лично всего пять минут назад. Каждый из очевидцев воспринимает его по-своему.

Вот и тогда я был абсолютно уверен, что Тигран меня ненавидит. Но, прощаясь со мной у поезда, который через несколько минут унесёт меня за тысячи километров от дома, он проявил несвойственную ему чувственность – обнял меня и, прижав к себе, сказал, что станет очень скучать. Разве что слезу не пустил. Близнецы рыдали, тётя плакала, Анечка ревела не своим голосом, а невозмутимый дядя, покачиваясь, повторял, что всё непременно наладится.

– Жалко, что ты так мало пожил, – сказал один из братьев, имён которых я так и не сумел запомнить. – С тобой весело.

У меня возникло чувство, что отправляюсь не в Подмосковье, где жил дед, а прямиком на фронт какой-нибудь ужасной войны, на котором меня непременно убьют. Мы заняли свои места в купе, тётя что-то быстро говорила по ту сторону окна, но из-за вокзального шума было непонятно, что она хочет сообщить. Состав никак не трогался, было душно и вязко, кружилась голова. И всё это длилось и длилось…

Таня не пришла. Наверное, боялась показаться на глаза деду. Или ей просто наплевать на меня? Эгоистка! Только, когда поезд дал гудок, и устремившись в даль, потащил за собой вагоны, на перроне я увидел Таню. Она стояла в стороне и махала обеими руками как сумасшедшая.

Глава 11

Город оказался тусклым, словно полинявшая половая тряпка, грустным и холодным. Конец августа, а уже подули холодные ветра, листва потемнела и приготовилась опадать, а в воздухе постоянно стояла мутная влажная завеса.

Дед жил там, где заканчивалась цивилизация, где прерывался длинный ряд фонарей, а дороги никогда и не существовало. Длинный деревянный дом, построенный еще при царской власти и чудом переживших все войны и революции двадцатого столетия, уже лет тридцать стоял в очереди на расселение, потому к нему и не прокладывали дороги. Но поле у бывшей окраины уже пятнадцать лет как было застроено. Надменные новостройки, повернувшись задом к ветхому соседу, гордо высились неподалеку. За ними новая жизнь – огни, дороги, магазины. А «царский» барак темной кляксой чернел посередине этого блестящего великолепия.

– Учительский дом, – объяснил дед, переступая порог. – Временное жильё для молодых специалистов. Тридцать лет как временное.

В полутёмной прихожей привалился к стене неказистый мужичок в кепке.

– Так вот он какой, наш армянский внучок! – мужичок наклонился, дохнув мне в лицо кислым перегаром, – ничего, только мелковат чуток.

Дед смерил соседа презрительным взглядом с головы до ног, отчего тот словно съёжился под своей клетчатой кепкой.

– Не наш, а мой, – резким тоном возразил дед, толкая меня в сторону второй по счёту двери.

– Система коридорная. На тридцать восемь комнаток всего одна уборная… – понеслось нам вслед.

– Заголосил! – раздался пронзительный женский голос. – Артист погорелого театра! Ни слуха, ни голоса!

– Зато масса обаяния! – подытожил мужичок.

– Добро пожаловать! – произнёс дед, открывая дверь своей комнаты. Я вопросительно заглянул в его лицо, но он так и не понял, всерьёз он это сказал или с издёвкой.

Деда звали Константин Георгиевич Мурашов, и работал он учителем немецкого в местной школе. Он оказался человеком полностью лишённым чувств и эмоций, холодным как айсберг. Таня наверняка придумала бы свою аналогию и назвала бы его ожившим манекеном из витрины модного магазина.

Именно дед виноват в том, что я вырос необщительным, молчаливым человеком с вечно хмурым лицом. Он постоянно твердил, что никому доверять нельзя, что никаких дружбы и любви быть не может, что стоит только потерять бдительность, как тебя предадут, толкнут в спину и начнут равнодушно втаптывать в грязь. Он цедил эти слова сквозь плотно сжатые губы, сверля взглядом скудный пейзаж за окном.

– Ты должен понять, – говорил он, – что в этой жизни можешь рассчитывать только на себя. Никто другой не решит твоих проблем, не подставит плеча, ни друзья, ни дети…

При упоминании детей его голос всегда срывался, и дед заходился долгим лающим кашлем. Но меня было не обмануть – за кашлем пряталась боль, которую он не желал никому показывать, боль по единственной дочери, моей

маме,.

Познавать науку ненависти и презрения ко всем живущим я не хотел. Меня всегда тянуло к людям, я жаждал любви и поддержки. Душу грели вычитанные из книг истории о верных друзьях и героических подвигах во имя любимых. В одиночестве я страдал, чахнул и впадал в подобие анабиоза, когда ходишь, ешь, читаешь, делаешь уроки, но все эти действия совершенно бесполезны. Какой смысл в интересной передаче по телевизору или увлекательном рассказе, если о них не с кем поговорить? Для чего мастерить на уроках труда поделки, если нет никого, перед кем можно похвастаться своим мастерством?

Дед до минимума ограничил мою свободу, составив жёсткий график, по которому мне следовало строить свою жизнь. Свободное время в графике практически отсутствовало. Мне удавалось выкроить несколько часов, когда я возвращался после школы домой, а у деда ещё были уроки.

В классе седьмом я даже решился написать несколько писем в ответ на объявления в журнале. Мне не ответили. И только несколько месяцев спустя я нашёл улетевший под кровать клочок конверта с кусочком марки и частью адреса. Кто-то всё-таки захотел переписываться, не подозревая, что меня лишат и этого удовольствия.

Но в первый день я ещё ни о чём подобном не подозревал. С удивлением рассматривал спартанскую обстановку комнаты, состоявшую из письменного стола, стула, двух диванов с потрёпанными подлокотниками, сгорбившегося в углу узкого шкафа и длинных полок с книгами на неизвестном мне пока языке.

И пусть внутри меня жили боль от потери родителей и тоска по оставленной сестре, я ждал начала новой удивительной, полной радости жизни.

Глава 12

Мы едем в город, где прошло моё детство. Все вместе: я, Аня и дети.

– Потянуло к корням? – шутит жена.

Я качаю головой. Корни не здесь. Они там, за тысячи километров к югу в чужой стране, в городе, которого больше нет. Даже имя его зачёркнуто, исправлено на новый, не имеющий ничего общего с советским прошлым, вариант.

Каждый год я езжу в Подмосковье на кладбище. Навещаю могилу бабушки, которую никогда не видел. Она умерла за год до рождения Тани, когда обо мне самом и речи не шло.

Впервые я побывал здесь в пятнадцать лет. Заросший травой холмик с покосившейся оградой по периметру небольшого участка ничем не выдавал того, что здесь похоронен человек, у которого ещё есть родственники. Дед не верит в загробную жизнь и содержать в порядке клочок земли, в котором не осталось ничего от когда-то любимой им женщины, для него бессмысленная трата времени и сил. Там только прах, соединение химических веществ, которое вскоре распадётся, поддерживая непрерывный, созданный природой, круговорот.

Как там было? «Каким судом судите, таким будете судимы и какой мерой мерите, такою и вам будут мерить»? Кажется, у Булгакова. Или в Библии? Если так, то мне искренне жаль деда. В конечном итоге он получит лишь то, во что безоговорочно верил всю свою жизнь – пустоту, темноту и забвение.

Мы навещаем бабушку, ставим цветы у обновлённого памятника. Знаю, что для неё не так важен наш приход. Он важен для нас. Чтобы помнить и никогда не забывать, кто мы и откуда пришли в этот мир.

Мы проходим по улицам города. Я показываю школу, где учился, техникум в здании старой усадьбы, от которой остался лишь яблоневый сад да колонны у входа. Остальное – уничтожено, перестроено и закрашено. Идём мимо сетевого магазина, серые стены которого под новым задорно-оранжевым цветом ещё помнят меня, тощего мальчишку, стоявшего в бесконечной очереди за хлебом и ароматными бубликами с маком. Наконец подходим к торговому центру, с торца которого прилепился неуместный здесь отдел ЗАГСа. Я рассказываю, что тут и стоял «учительский дом», в котором я жил до пятнадцати лет.

Марк зевает, Лика стучит мыском по бордюру. Им скучно. Марк маленький и быстро устаёт, а Лике, как она любит повторять, «по барабану». Ей хочется жить, с надеждой смотреть в будущее, а я, заросший плесенью старичок, бубню

о корнях, затягивая её в покрытое пылью прошлое.

Идём к вокзалу. Там на меня долго смотрит пожилая женщина в пёстром платке. Из кармана красной вязаной кофты торчат жёлтые головки мать-и-мачехи. Я вспоминаю – весна на дворе. Как незаметно летит время. Женщина улыбается доброй лучистой улыбкой.

– Я случайно услышала ваш разговор, – говорит она. – Вы жили в учительском доме? Жалко, что его больше нет. Такой красивый. Настоящая старина, истинная.

Я отвечаю, что дом держался из последних сил, пытаясь сохранить равновесие, но он был слишком стар и немощен, чтобы продолжать жить полноценной жизнью. Люди в нём просто мучились и выживали, а не жили.

Женщина смеётся и говорит, что у меня оригинальное мышление и мне нужно писать книги, а потом дарит нам по цветку. Аня вставляет цветок в причёску и смеётся. Солнце золотится в её волосах, играет в солнечного зайчика с серёжками-лепестками. Мне безумно хочется обнять её и закружить в безмолвном танце, но я, как часто случается со мной при большом скоплении народа, скован и не могу сделать ни шага.

В электричке Марк сразу же засыпает, Лика вставляет в уши наушники, отгораживаясь от остального мира, а Аня прижимается ко мне и просит рассказать сказку.

– Обычно мужчины рассказывают сказки до свадьбы, а не после, – говорю я.

– Ну я же хочу послушать не о любви, а о чем-то более приземлённом, например об этом одуванчике. Сможешь? Вот так, с ходу?

– Это мать-и-мачеха, – автоматически поправляю я.

– Неважно, – Аня улыбается, – сможешь или нет?

– Попробую, – говорю я и начинаю рассказ.

История об одуванчике

Под синим безоблачным небом, на сером прожжённом солнцем и высушенном ветрами поле там, где чернеет у горизонта неровная полоска леса, рос одуванчик. Маленькое жёлтое пятнышко упрямо тянулось к своему старшему брату-солнцу.

Он не знал другой жизни. Только промелькнёт порой высоко в небе птица, словно знак чего-то далёкого и недостижимого. Да толпится над полем всякая мелочь: толстые неповоротливые шмели, деловитые жуки с блестящей панцерной спинкой, разноцветные бабочки, мошкара да кузнечики. И всё это бежит, суетится. Куда бежит? Зачем? Разве есть что-то кроме этого поля, высокого неба и леса у горизонта? Одуванчик был навечно пригвождён к крохотному клочку земли. Он любил его, знал каждую травинку вокруг себя, каждую впадинку и холмик.

Однажды прибежали двое: парень и девушка. Молодые, разгорячённые бросились они в траву совсем рядом с одуванчиком. Праздник жизни, которой он не знал.

«Ну, и что, – думал цветок, – что с того, что они умеют бегать? Всё равно они не найдут ничего лучше, чем это поле и солнце, которое, говорят, на всеё земле одно и тоже».

А потом, когда солнце сменилось три раза, прошло мимо стадо коров. Огромные животные оставляли в земле глубокие ямы. Одуванчик чуть было не погиб под тяжёлым копытом.

– К ручью, к ручью! – монотонно мычали они. Цветок знал лишь один ручей – подземный. Он питал своими скудными водами длинные корни растения.

– Как красив! Как прекрасен ручей! – щебетали воробьи. – К ручью! К ручью!

– Какой он? – спросил у одного из воробьёв одуванчик.

– Быстрый! Прозрачный! Как дождик! Только течёт не сверху вниз, а с юга на север!

Одуванчик любил дождь не меньше, чем солнце. Дождь приносил прохладу, освежал засыхающие листья.

И одуванчик затосковал. Вот бы увидеть ручей! Хоть на минутку! На мгновение! Взлететь вместе с ветром и приземлиться в прохладной воде. А после плыть, плыть. Кто знает куда…

Быстро время летит, катится к концу ясное лето. Побелел совсем одуванчик, покрылся тонкими семенами-парашютиками. Цветок знал, что скоро умрёт. Но он не унывал, даже ждал этого момента. Взлетят тогда лёгкие пушинки, понесутся вдаль и увидят волшебный ручей.

«Ничего не кончается, – думал одуванчик, – а становится только полнее, чудесней. Ведь буду не один я, а много цветов. И всё, что недоступно мне, познают они».

– На юг! На юг! – прокричали в вышине журавли.

«Вот и всё», – решил одуванчик, наблюдая за белым рассеянным над землёй облаком.

– Летите! Летите дальше! – шептал цветок вслед разлетающимся пушинкам. А сам склонился к холодающей земле, чувствуя тяжёлые шаги подступающей осени.

– Вот за это я тебя и полюбила, – говорит Аня, когда я замолкаю, – за способность возвыситься над обыденным и посмотреть чуть шире, попытаться заглянуть за горизонт сиюминутных событий.

– Только выходит всё как-то по-детски, – возражаю я.

– Все мы в душе дети. Просто не хотим вспоминать об этом.

Глава 13

Женщина с вокзала сказала правду. Внешне «учительский» дом выглядел вполне пристойно как молодящаяся старуха с толстым слоем макияжа на морщинистом лице. Снаружи она юна и прекрасна, а внутри – иссушённое временем тело, дряхлое и умирающее.

С любым домом можно сжиться. Даже если это старый скрипучий старик с гнилыми полами, огромными щелями в оконных рамах и мышиной колонией в стенах. Требуется лишь немного терпения, тишины и чувства погружённости в окружающее пространство. В шесть лет я по неопытности считал, что любой человек способен сесть, начать равномерно дышать и через пару минут слиться с миром в единое целое. Казалось, каждый увидит в этот миг носящихся за обоями серых грызунов, услышит их писк, почувствует запах. Старые стены дохнут на него гниющей древесиной, диван подарит запах давно ушедшего, но оставившего неизгладимый след, человека. После этого ты либо любишь дом до конца жизни, либо ненавидишь всем сердцем.

Наше знакомство случилось на второй день моего пребывания в доме. Дед отправился по делам, вручив мне новенькие карандаши и альбом с белоснежными листами. Отчего-то большинство взрослых считает, что занять и успокоить ребёнка можно двумя способами – включить мультик или дать в руки карандаш с листком бумаги. Будто бы дети просто с ума сходят от возможности нацарапать на любой поверхности непонятную загогулину.

Рисование вызывало у меня стойкое отвращение. Не сам процесс, его я как раз мог бы полюбить, а не соответствие желаемого и конечного результатов. Хорошо помню висевший в нашем доме календарь с бегущими в морских волнах лошадьми, которые мне безумно нравились. Как-то раз в детском саду меня попросили нарисовать любое животное. Конечно же я выбрал лошадь и с усердием начал изображать на листе длинную гриву, поднятую вверх морду с раздутыми ноздрями, тонкие изящные ноги. Каково же было моё разочарование, когда вместо прекрасной лошади я увидел в своём альбоме неровные овалы, кривые линии и торчащий метёлкой хвост.

– Молодец, – сказала воспитательница, – очень красивая у тебя получилась коровка.

Я заревел в голос.

Не нужно говорить, что уроки рисования в школе я люто ненавидел. Дед белел от удивления, методично лупя меня дневником по щекам.

– Двойка по рисованию, – повторял он при каждом ударе, – что ты мог нарисовать, чтобы получить двойку?

Проблема была в том, что я не рисовал ничего.

– Хотя бы пару линий, – уговаривала учительница, – пару линий и я поставлю тебе тройку. Нарисуй хоть что-нибудь!

В своём решении не марать бумагу я оставался непреклонен. От позорной «пары» меня спасла семья. Точнее задание нарисовать именно её. Кроме деда и улетевшей за океан Тани у меня никого не было, но я вполне мог бы изобразить среднестатистическую семью с родителями и двумя улыбающимися детишками между ними. В руки они получили бы разноцветные воздушные шарики, а у ног мог бы свернуться клубком толстый полосатый кот. Картинка стояла передо мной как живая, и проблем в сюжете не было никаких. Только я не мог сделать так, чтобы члены семьи на моём рисунке получились как живые люди, а не как куклы из второсортного фильма ужасов. Насчёт кота я и то не был уверен.

В конце урока учительница со вздохом заглянула в мой альбом, а потом в её голове что-то щёлкнула и она вспомнила, что вообще-то у меня нет никакой семьи, а есть огромная трагедия, что давать мне подобное задание было бесчеловечным поступком и что моя едва затянувшаяся душевная рана может снова открыться. Учительница прослезилась, обняла меня и вывела в журнале «четвёрку» не только за урок, но и за всю четверть сразу.

Именно из-за этой моей нелюбви я остался в тот день без дела. Рисовать я не хотел, игрушек в комнате не было, а стоявшие на полках книги были все до одной на немецком и без картинок.

В доме стояла тишина. Только в коридоре тикали напольные часы с массивным маятником. Я осторожно приоткрыл дверь. Пусто. И тут меня захватили запахи.

Шесть комнат. Первая от двери – жилище очень старого человека, пахнущее старыми вещами, восковыми свечами и лекарствами. Третья заполнена духами и косметикой. В следующей несомненно обитал мой знакомый в кепке. Воздух буквально пропитался причудливой смесью вчерашнего перегара и несвежих носков. Рядом – непонятное очень пустое помещение с резким металлическим ароматом и запахом красок. В конце у самой кухни жили книги, много книг…

Я продолжал принюхиваться словно собака, направляясь к кухне, когда передо мной возник парень лет двадцати в голубой майке и спортивных штанах с яркими заплатками на тощих коленях.

– Привет! – сказал он. – Чего носом водишь? Есть хочешь? Да ты не бойся! У меня там пельмени готовятся. Любишь пельмени?

Я честно ответил, что не знаю, люблю ли я их или нет, потому что не знаю, что это такое. А есть мне совершенно не хочется, ну ни капельки. В этот самый момент у меня и заурчало в животе. Парень рассмеялся:

– А говоришь не голодный. Пойдём уже!

Потом я сидел в кухне на слишком высоком для меня табурете и болтал ногами, а мой новый знакомый колдовал над кипящей кастрюлькой. Его звали Пашка, и он утверждал, что любит всё красивое.

– Видишь ли, Генка, – говорил он, вынимая из воды пельмени и укладывая их на противень, – человек без красоты жить не может. Зайдёшь как-нибудь ко мне, увидишь, как я стены раскрасил, во все цвета радуги. На заводе что? Серость. Тоска берёт. Так и свихнуться недолго или спиться как Голиков. Как начнёт в выходные накатывать, так до вечера и не просыхает. Включит Высоцкого на всю мощь и пьёт. А я с тоской по-другому борюсь. Жизнь украшаю.

Пашка посыпал пельмени порубленной зеленью, разложил поверх неё кружки помидоров, натёр сыра.

– Еда тоже должна глаз радовать, а то никакого удовольствия от неё не получишь, – пояснил он, ловко отправляя противень в духовку. – Пять минут и готово!

Пельмени оказались самой вкусной едой, которую я когда-либо пробовал. Я уплетал за обе щёки, а Пашка тем временем рассказывал о том, что никакого отношения к школе лично он не имеет, а комната принадлежит его тётке, переехавшей к мужу. Сам он работает на заводе токарем, что его совершенно не устраивает. На самом деле он поступал в художественное училище, но «срезался» на вступительных. По правде говоря, у него и таланта немного, но желания через край.

Ещё он немного рассказал о о соседях. Так я узнал, что в крайней комнате жила Нина Васильевна, учительница математики на пенсии. Хорошая, но странная. В третьей – библиотекарша Лена, обеспокоенная поиском мужа. Дальше любитель Высоцкого и клетчатой кепки Голиков, а у самой кухни жили в вечном круговороте любви и вражды муж с женой Мишины, физик и химик.

– Тухло у нас, как в болоте, – подытожил Пашка. – Шумно, а радости никакой. Хорошо, что хоть ты появился. Дети – свет жизни, вокруг них мир расцветает.

Глава 14

Когда я вспоминаю о детстве, то мне кажется, что было оно в чужой, посторонней для меня жизни. В той прошлой жизни остался страдающий ревматизмом скрипучий дом, синяя школьная форма с блестящими пуговицами, неудобный давящий на спину ранец и замершая на перепутье страна.

Я пошёл в школу в девяностом. Получил в подарок картонную коробку, внутри которой обнаружились пачка тонких зелёных тетрадей, альбом, карандаши, кисти и краски, линейка, ластик и круглый пластмассовый пенал лимонного цвета. Пашка вручил мне переводные картинки с предложением украсить унылый ранец героями из советских мультфильмов. Мишин, прозванный за любовь к долгим научным разговорам Профессором, тайком от жены принёс совершенно ненужный пока циркуль. Нина Васильевна сунула в руки розовый носовой платок с завёрнутым в него яблоком.

Дед оглядел меня со всех сторон, смахнул с формы невидимые пылинки и мы отправились в путь. Было холодно и тревожно. От волнения перехватывало дыхание. Вместе с нами нескончаемым потоком двигались такие же как я

мальчишки в синих костюмах и девочки в коричневых платьях с белыми передниками и с огромными бантами на головах. Дрожа от нетерпения, я едва успевал за широко шагающим дедом, и очень боялся опоздать. Кроме того я с ужасом заметил, что спешащие в школу дети держали в руках букеты. Большинство – разных оттенков гладиолусы на длинных ножках, некоторые – простые полевые и садовые цветы: васильки, ромашки, колокольчики. И только я не подумал о подарке учителю. Мои ноги внезапно стали ватными, и я до зуда внутри захотел обратно домой.

Дед дотащил меня до школы, подтолкнул к стайке школьников и их родителей, сгрудившихся вокруг таблички с необычной надписью «1Ж», и не прощаясь, поспешил через дорогу в школу среднюю, где он и преподавал. Я огляделся, и мой страх усилился. Почти все ученики пришли с родителями, и только я стоял растерянный и смущённый. Словно голый.

На школьном крыльце устанавливали микрофоны, из динамиков неслись звонкие голоса, утверждавшие, что дважды два четыре и это всем известно в целом мире. Школа, двухэтажное кирпичное здание, особенно запомнилась мне зелёной пятернёй над деревянными дверьми, творением неумелого резчика, неудачно выпилившего из дерева кленовый лист. Я смотрел на этот кривой лист, пытаясь угадать, что он здесь делает, когда сбоку ко мне подскочил тощий мальчишка с растрёпанными рыжими волосами.

– Папа сделал, – заявил он, подпрыгивая на месте. – Лист. Он здесь работал. Раньше.

Я молчал, не зная, как реагировать на подобное заявление. На крыльцо поднялись учителя, музыка стихла.

– Меня Яшка зовут, – представился новый знакомый. – В честь дедушки назвали. А вот там твоя классная, чёрненькая такая. Видишь? Людмила Николаевна. Это мама моя. Ты её не обижай. Она хорошая.

Я бросил взгляд на крыльцо. Людмила Николаевна стояла в стороне, смущённо улыбаясь и поправляя непослушную седую прядку у левого виска. Совсем молодая, а прядка белоснежная, ломкая.

– Красивая, правда? – Яшка улыбнулся, ласково и мечтательно. Потом вздохнул. – Жалко её.

– Почему жалко? – спросил я, но тут с другой стороны меня начали настойчиво тянуть за рукав. Я повернулся. Толстый мальчишка в потёртой, натянутой на объёмном животе форме, вертел перед моим лицом осколком стекла.

– Видал какой? Синий! Редкий! – мальчишка явно гордился собственной находкой. – Чаще всего белые попадаются, иногда коричневые или зелёные. А синий попробуй найди!

Он прикладывал стёклышко к глазу и смотрел на мир, погружённый в прозрачную синеву.

– Глянуть хочешь? – мальчишка протянул мне своё сокровище.

Я не хотел. Чего интересного? Рыжий Яшка интересовал куда больше.

– Твоя мама правда красивая, – подтвердил я. Яшка растянул рот до ушей, обрадовался.

На крыльце начал свою речь директор, маленький кругленький мужичок со сверкающей на солнце лысиной. Он монотонно бубнил в трескучий микрофон. Слов я не разобрал.

– Красивая, – повторил Яшка, – и добрая…

Он осёкся и подпрыгнул на месте.

– Ой! – прошептал он, прикрывая рот рукой.

Я посмотрел в ту же сторону, что и он, и мне показалось, что там за деревьями мелькнуло чёрное старушечье платье. Яшка снова подпрыгнул и, взвившись в воздух, молнией рванул прочь. Он бежал, ввинчиваясь в толпу, взлетел на крыльцо и промчался, едва не отдавив ноги выступающему директору.

Удивительно, но никто, казалось, не заметил Яшки. У директора даже голос не дрогнул.

– Видел? Видел? – спросил я у толстяка.

Тот посмотрел на меня с удивлением.

– Кого?

– Мальчишку! Рыжего!

– Неа, – протянул он, вытаскивая из глаза стёклышко, – не видел. Может, всё-таки, посмотришь?

Я взял осколок, поднёс к лицу. Мир заискрился, обрёл чёткость словно под увеличительным стеклом. Только чёрное пятно расплывалось где-то на краю этой картинки. Оно вытягивалось, превращаясь в худую фигуру с протянутыми руками. Я вздрогнул, и стёклышко выпало из моих рук. Оно со звоном коснулось асфальта, расколовшись на несколько кривых кусочков.

– Ну, вот, такое стекло испортил! – обиженно засопел толстяк. – Редкое! Такое попробуй найди!

Директор замолчал. Загремела музыка. Нас выстроили в колонну и повели в здание. У самого входа я обернулся, но ни Яшки, ни старухи я не увидел.

Глава 15

Марк, закинув рюкзак на плечо, бодро марширует по комнате.

– Я иду в школу! Я иду в школу! – без устали повторяет он.

– Заткните его! – кричит Лика. – Я про эту школу слушать не могу! Тошнит от неё!

А ведь когда-то дочка очень рвалась в первый класс. Вернувшись домой, трещала без умолку, радовалась.

– Я в самом лучшем классе, в «А», – говорила она. – «Б» – тоже ничего, «В» хуже, а в «Г» одни дураки учатся.

А потом с невинным видом поинтересовалась, в каком классе учился я.

– В «Ж». Необычная буква, не отрицаю.

Лика помолчала, задумалась.

– Пап, да ты не расстраивайся, – сказала она. – Я тебя всё равно люблю.

Нас было двенадцать. Семь мальчиков и пять девочек. 1 «Ж» объединил тех, кому не хватило места в других классах. Нас было слишком много – гомонящих, топочущих, ревущих от разлуки с домом и родителями, смеющихся от шуток и весёлых игр, неугомонных и неуправляемых. Нас пытались утихомирить, подогнать под общий стандарт примерного ученика.

На переменах мы должны были ходить парами, чему способствовала сама архитектура здания с просторным залом и классами вдоль стен. После звонка всех до единого выгоняли из класса, заставляли взять за руку соседа по парте и, построив образовавшиеся пары в неровный хоровод, велели все десять минут ходить по кругу. Этим учителя пытались добиться тишины и вместе с тем обеспечить нас необходимой физической нагрузкой.

Громко разговаривать, смеяться, прыгать или бегать было нельзя. Со стороны мы походили на заключённых, выведенных на прогулку под строгим взором надсмотрщика-завуча. Некоторые хихикали и прятали руки за спину или за голову, изображая осуждённого. Когда завучу надоедало следить за нами, хоровод распадался, и мы разбредались кто куда.

Я сидел за одной партой с пухленькой, пропитанной шоколадом и сахарным сиропом Лизой Синичкиной. Её липкая ладонь приклеивалась к моей, когда она хватала меня за руку в начале перемены и тащила в круг. Лизе одной

из немногих нравилось это бессмысленное хождение. Я подозревал, что она влюблена в меня. На уроках она смотрела на меня большими карими глазами, подкладывала в тетрадки конфеты, на контрольных придвигала в мою сторону листок с решёнными задачами.

Её нежности выходили мне боком. Учителя ругали за списывания, а подаренная тайком шоколадка одним жарким весенним днём растаяла и склеила страницы с домашней работой, за что я и получил свою первую «двойку».

Избавиться от Лизы не было никакой возможности. Она следовала за мной по пятам. Разве что в туалет не сопровождала. Над ней смеялись, её избегали, а я сам так и не осмелился сказать ей грубое слово. По-хорошему она не понимала.

Так и получилось, что первое время в школе я «дружил» исключительно с Синичкиной, вызывая умиление учителей и насмешки одноклассников. Другие мальчишки со мной не общались. Утративший свой драгоценный синий осколок Серёжка Парфёнов, сообщил остальным, что я человек ненадёжный и даже вредный. Послушали его не все. Со мной пытались разговаривать, но я, как оказалось, не имел никакого понятия о фильмах и мультиках, которые они обсуждали – телевизора я не смотрел. Популярные игры мне тоже были неизвестны. Поэтому я просто молчал, по-идиотски улыбаясь, и меня оставили в покое.

К счастью Лиза недолго довольствовалась моим обществом. Её любовь прошла в тот самый момент, как девчонки из нашего класса позвали её поиграть после уроков. Я получил долгожданную свободу. Да и хождение на переменах отменили, и не нужно было больше терпеть липкую Лизину ладошку в своей. Шёл девяносто второй год, менялась привычная жизнь. Учителя пребывали в растерянности. Они словно не знали, как и чему теперь следует учить. В учебниках пропускались целые главы. То, что когда-то считалось незыблемым, теряло авторитет. Больше не было школьной формы, октябрятских звёздочек и рассказов о дедушке Ленине. Однажды Людмила Николаевна, Люсенька, сообщила о том, что висевшая на стене карта теперь неверна и обвела красным карандашом границы нового государства. С ужасом я смотрел на эту жирную линию и понимал, что мой родной город теперь лишь точка в другой, отколовшейся стране и нет больше дружбы народов надёжного оплота, о котором пелось в гимне.

Взрослые моего страха не понимали. Слишком мал, глуп и несведущ в жизни. Какие у ребёнка заботы? Их больше волновало отсутствие работы и, как следствие, нехватка денег. Впрочем и купить стало почти нечего. Помню длинные стеллажи с трёхлитровыми банками берёзового сока и тощих синюшных кур с головой и лапами в мясном отделе. Ещё хлеб, которого на всех не хватало, и крики в булочной:

– Два батона в одни руки! Куда четыре схватил!

– У меня свиньи! Чем свиней кормить?

– Буржуй! Иди отсюда! Вообще ничего не получишь!

Дед беспокойства не проявлял. Покупал курицу, мыл её, отрубал голову и лапы и засовывал целиком в большую кастрюлю. Туда же отправлялись бывшие под рукой овощи, макароны. Варево томилось под крышкой несколько часов. И всё равно курятина оставалась жёсткой как резина, от которой после еды болели дёсны. С тех пор меня мутит от одного только запаха куриного бульона.

Библиотекарша Лена, неутомимо искавшая мужа, замуж так и не вышла. Зато привела похожую на мартышку, лопоухую и беспокойную дочку Надю. Как оказалось, дочка была у неё давно. Просто жила у родственницы, которая решила, что не потянет воспитание чужого ребёнка в трудные для страны и народа годы. В отличии от меня Надя куриный суп обожала, и уже в три года усаживалась рядом и выпивала по две, а то и три пиалы бульона. После еды она с довольной улыбкой поглаживала себя по вздувшемуся животу, повторяя фразу из старого фильма: «шоб я так жил», и задорно смеялась.

«Шо это я в тебя такой влюблённый» говорила она, лукаво улыбаясь, когда хотела выразить симпатию понравившемуся человеку. «Я не трус, но я боюсь» служила отказом, а «Восток – дело тонкое» и разведённые в стороны руки выражали удивление. Надя помнила множество подобных фраз, употребляемых не всегда к месту. Повзрослев, она перешла на пословицы и поговорки, украшая ими свою речь так, что не каждый догадывался о смысле сказанного.

– Она у тебя что, дурочка? – спросил как-то один из ухажёров её матери (та всё ещё пыталась отыскать женское счастье).

– Почему дурочка? – смутилась Лена. И прикрикнула на Надю:

– Прекрати паясничать!

– Поумней некоторых, – словно невзначай бросил куривший на крыльце Голиков.

Ухажёр обиделся и больше не появлялся.

Жизнь в доме шла вкривь и вкось. Профессор каждый день ругался с женой. Ну, как ругался? Кричала она, упрекая мужа в нехватке средств к существованию и жалуясь на общую мягкотелость отдельно взятых учителей физики. Профессор вставлял пару робких слов, но выстоять под градом упрёков не мог и уходил к Голикову напиваться.

Пашка, промаявшись без работы, устроился дворником. И только Голиков с Ниной Васильевной, казалось, не теряли присутствие духа. Старушка каждое утро тайком от деда передавала мне неизменный платок с завёрнутыми в него яблоком и печеньем. А раз в месяц собирала сумку с гостинцами и отправлялась в гости к детям и внукам.

– Мне сын говорит, чтобы я к ним переезжала, – объясняла Нина Васильевна, – он на севере работает, по полгода дома не бывает. Живи, говорит, в моей комнате. А я ему отвечаю, как же сестра твоя с детьми? Надо им с бабкой в двух комнатах толкаться? Мне и здесь хорошо, я здесь привыкла.

Голиков повсюду находил подработки – чинил приборы, красил заборы, делал ремонт – за которые получал «натуральным продуктом». Однажды принёс с десяток банок тёмно-зелёной краски. Заявил, что нечего ждать милости от государства, нужно взять всё в свои руки и покрасить наконец фасад дома. После чего вручил мне, Пашке и Профессору по валику, показал, как именно следует наносить краску и с чувством выполненного долга отправился к жившей за углом самогонщице тёте Варе.

Про Голикова говорили, что он родился в рубашке, что всё даётся ему слишком легко и что он нигде не пропадёт. Я этим разговорам не верил. Просто потому что слышал однажды, как Голиков сказал кому-то по телефону, что «Его жизнь бьёт ключом, только по голове и он не знает, что делать – повеситься или отравиться». А после заперся в комнате и слушал Высоцкого до тех пор, пока

жена Профессора не начала колотить в стену.

Глава 16

У Лики друзей нет. Она не задерживается после уроков, возвращаясь домой в одиночестве. Остаток дня сидит, нахохлившись, перед компьютером или уставившись на экран телефона. Но даже в соцсетях у неё всего с десяток подписчиков, создающих одну лишь видимость социальной активности. Ни с кем из них Лика не общается. Говорит, ей и так хорошо, она самодостаточный человек, которому наедине с собой не скучно.

Всё это неправда. Я вижу, с каким воодушевлением дочь выспрашивает у нас с Аней про школьных друзей. Аня с улыбкой вспоминает шумную компанию, в которой каждый был готов и в огонь и в воду ради спасения друга. Идеализированный образ, от которого у Лики на лице появляется несвойственное ей мечтательное выражение.

От таких разговоров я уклоняюсь. Рассказывать нечего и не о ком. Придумывать что-то было бы неправильным, а говорить правду мне не хочется.

Правда в том, что я так сильно хотел понравиться и завоевать доверие одноклассников, что совершил много плохого. Сначала я действовал мягко, приставая к окружающим с выдуманными историями. Мне казалось, что мои сказки непременно должны понравиться, моего общества должны начать искать и слёзно молить о новых рассказах. Добился я лишь того, что получил снисходительное прозвище «Сказочник» и славу школьного сумасшедшего.

Заинтересовать удалось лишь одну девочку. Тихая и незаметная Нина все перемены проводила на подоконнике, прижимаясь к холодному стеклу. В первый день в школе она плакала и просилась домой. Прошло почти три года, а она так и не привыкла. Однажды я заметил, что она грустит, и присел рядом. Упругие капли стучались в окно. Шёл дождь. Нина даже не попыталась скрыть слёзы. А я сказал, что плакать ни в коем случае не надо, что дождь – это не повод для печали. В каждой капельке сидит маленький человечек, и он расстраивается, когда кто-то плачет из-за него.

– Как они там оказались? – спросила Нина.

– Им хотелось увидеть другой мир. Попробуй посиди на облаке всю свою жизнь.

И я рассказал ей о дождевых человечках.

История о дождевых человечках

Высоко-высоко в небе раскинулась на облаках дождевая страна. Живут в ней крохотные дождевые человечки. Эта страна скучная как широкое-преширокое покрытое белым снегом поле. По облаку можно идти много дней подряд и ничего вокруг не изменится. Даже, если перейти на другое облако. Повсюду сплошная, мягкая на ощупь, ватная белизна.

Жизнь в стране сытая и спокойная. Её жителям не нужно заботиться о еде, одежде, жилье и о тех вещах, которые так заботят человечество. Живи и радуйся. Но почему-то не получается. Человечков гложет любопытство. Что там внизу? Что за разноцветные пятна мелькают на земле? И что за удивительные великаны расхаживают по ней?

И тогда человечки создают из мягкого облачного вещества прозрачные капли, забираются внутрь и, когда облако темнеет, становясь тучей, дождём спускаются вниз. С восхищением рассматривают они невиданный пёстрый мир, запрыгивают на плечи людей, шепчут им ласковые слова, хотят подружиться. Вот только люди отчего-то не любят дождь. Они грустят. Прикрываясь куполами зонтов, спешат домой и не замечают незваных гостей.

Человечки расстраиваются, цепляются за испаряющийся из лужи пар и решают никогда больше не возвращаться на землю, чтобы не расстраивать её неприветливых жителей. Проходят дни, меняются поколения и вот уже новые человечки опускаются вниз в надежде подарить радость живущим внизу. И всё это повторяется много-много лет.

Нина благодарно улыбнулась:

– Красивая сказка. Только я не из-за этого плачу.

– Веню опять побили, – тихо добавила она.

Я посмотрел в окно. На улице стоял худенький мальчик с длинной закрывающей глаза чёлкой. Под мышкой он держал толстый блокнот в синей обложке. По его запрокинутому лицу струился дождь, но мальчик, казалось, его не замечал.

– Никто не любит Веню, – Нина прижалась лицом к стеклу. – Мама запрещает с ним дружить, и папа тоже. Говорят, что он дегенерат и может, что угодно сделать.

Веня заметил нас и радостно замахал руками, уронив блокнот.

– Он хороший, – сказала Нина. – Просто говорить не любит. И рисует, знаешь как красиво.

Махнула рукой – «Уходи! Не мокни!»

Веня кивнул и, подобрав блокнот, пошёл, постоянно оглядываясь. Я заметил, что ступни у него непропорционально маленькие, ботинки больше по крайней мере на два размера, а тонкие изломанные ноги при ходьбе предательски дрожат и вихляют из стороны в сторону.

– Я всё равно его не брошу! – на глазах у Нины снова выступили слёзы. – Ни за что не брошу!

Почти каждый день Веня ждал Нину возле школы. Я к тому времени изменил свой способ завязать дружбу с одноклассниками и вместо того, чтобы надоедать им рассказами, поменял свой маршрут до дома. Раньше, когда все дружно сворачивали налево, я уныло плёлся направо к своему ненавистному бараку. Теперь же я уходил со всеми, делал большой крюк по городу и, проводив почти всех товарищей, приходил домой с приличным опозданием.

При этом я не навязывал общения, не лез со своими выдумками. Просто шёл рядом, ловя каждый звук и движение. Если мне удавалось вставить хотя бы крохотное слово в общий разговор, то я просто светился от счастья.

Мы часто встречали Веню. Он стоял привалившись к школьному забору, высматривая подругу. Иногда, прикусив нижнюю губу, рисовал в блокноте.

– Опять этот придурок здесь торчит! – возмутился однажды Коля Крайнов. – Чего тебе здесь надо? Пошёл отсюда!

Веня не пошевелился. Только откинул со лба чёлку и пристально посмотрел на нас. Глаза у него оказались удивительными, светло-серыми, почти прозрачными, с рыжими крапинками по краю радужки.

– Урод! – Серёжка Парфёнов плюнул ему под ноги и быстро отбежал подальше, – Урод и глаза у него уродские!

– Чего в забор вцепился, урод! – не унимался Крайнов. – Ноги не держат? Отцепись и топай, пока не наваляли!

Веня даже не моргнул. Просто продолжал смотреть. Мелкий Витька Шалимов крикнул:

– Двинь ему!

Крайнов подбежал и со всего размаху пнул Веню в живот. Тот согнулся от боли, но глаз не опустил. Губы его дрогнули словно в усмешке.

– Не трогайте его! – по дороге бежала Нина. Парфёнов сгрёб её в охапку, не давая подойти ближе.

– Гляди-ка, не плачет! – удивился Крайнов. – Ты чего не плачешь? Плачь!

– Заплачь-заплачь-заплачь! – беспокойно тараторил Шалимов, бегая вокруг Вени и заглядывая ему в лицо.

Веню начали щипать, дёргать за волосы, бросать в глаза песок, заставляя заплакать. Нина повисла на грузном теле Парфёнова как маленькая собачка, вцепившаяся в дога и ревела. А я просто смотрел. Молча. Не из страха. Нет. Я не боялся. Меня охватило тупое равнодушие. А потом мир обрушился на меня

во всех своих ужасающих подробностях. Плач Нины словно усилился в миллионы раз, оглушая. Вся злость и ненависть нападавших равно как и боль пострадавшего пронзила меня насквозь. От запаха крови мутило. Но я всё равно стоял и молчал.

Я мог бы объяснить тот глубокий ступор, в который впал, особенностями организма и невесть откуда взявшейся особенностью видеть мир глубже, чем остальные, о которой я никогда не просил. Я мог бы сказать, что и не виноват вовсе, потому что и пальцем не прикоснулся к Вене. Мог бы, но подобное объяснение ничего не смогло бы изменить. Сам для себя я бы так и остался подлецом.

Кто-то крикнул: «Хватит! Лежачих не бьют!» И мальчишки расступились. Веня, уставившись в небо, лежал на земле. Из левой ноздри стекала тонкая струйка крови. Я решил, что он умер. Нина заревела в голос. Внезапно Веня повернул голову.

– Нормально, – едва слышно простонал он и улыбнулся. Улыбка вышла кривой и неестественной.

– Так и не заплакал, – разочарованно протянул Крайнов. – Что ж с тобой сделать? А?

В этот момент я и заметил Венин блокнот с синей обложкой. Блокнот, который он не выпускал из рук, в котором он рисовал что-то важное и который наверняка был ему очень дорог.

Я искренне считал себя хорошим ребёнком. Слушался взрослых, выполнял все их порой нелепые требования. Жадно впитывал в себя ненавязчивые поучения из книг, из которых точно знал, что добро неизменно побеждает зло, что в жизни следует совершать только благородные поступки и что к людям надо относиться так, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе.

Я хорошо это знал, но мне до боли хотелось иметь друзей. Мне нужно было доказать, что и я чего-то стою. Чтобы Крайнов потрепал за плечо, обронив уважительное «молодец, Генка», а Парфёнов пожал руку и сказал «плевать на это стёклышко, ерунда, я и забыл давно».

Я потянулся за блокнотом, поднял его повыше и, набрав в грудь побольше воздуха, крикнул, подражая Кольке:

– А это что такое? Что за каракули?

Веня попытался подняться, и Парфёнов толкнул его обратно на землю.

– Фигня какая-то, – я листал блокнот, вырывая листок за листком. Букеты цветов, деревенские домики, машины с трамваями, человеческие лица, деревья у реки летели на грязную землю и уносились ветром. Про себя я отметил, что Веня и правда неплохо рисует. Меня накрыла жгучая зависть. Я стал не просто вырывать страницы, но и рвать их на мелкие кусочки.

И тут Веня заплакал. Заскулил тихо словно щенок, по щекам медленно потекли слёзы. Мальчишки смотрели на меня с восхищением, и я почувствовал себя королём мира.

– Молодец, Григорян, здорово придумал, – Крайнов обнял меня за плечи.

– Здорово ты его! Здорово! – прыгал рядом Шалимов.

Парфёнов взял мой рюкзак и мы пошли. У поворота я обернулся. Нина смотрела на меня. В её глазах не было ни злости, ни ненависти. Только разочарование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kuz-mina_lana/svet-dalekoy-zvezdy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити